Джигит

Сергей Адамович Колбасьев

SHOUT
SHARE
IT

- Колбасьев Сергей Адамович

Колбасьев Сергей Адамович
Джигит

Колбасьев Сергей Адамович
"Джигит"

Ноахег: повести "Арсен Люпен", "Джигит" и "Река" составляют трилогию, объединённую главным героем - Бахметьевым. Если представить С.А. Колбасьева стоящим в Настоящем и освещаемым светом Будущего, то Бахметьев - тень Сергея Адамовича Колбасьева, тянущаяся в Прошлое. Или из прошлого, тут уж как посмотреть.

1

Самая лучшая служба, конечно, на миноносцах. Не очень спокойная и не слишком легкая, особенно в военное время: из дозора в охранение и из охранения в разведку; только пришел с моря, принял уголь, почистился - и пожалуйте обратно ловить какую-нибудь неприятельскую подлодку или еще чем-нибудь заниматься. Словом, сплошная возня с редкими перерывами на ремонт, когда тоже дела хватает. И все же отличная служба. Совсем не такая, как на больших кораблях, которые воюют, преимущественно оставаясь в гаванях, и от скуки разводят всевозможную строевую службу и торжественность в казарменном стиле.

Стоит себе такая штука в двадцать пять тысяч тонн на якоре, согласно диспозиции. С утра и до ночи проводит одни и те же учения и приборки, с музыкой поднимает флаг и с музыкой его спускает, на одном и том же месте разворачивается по ветру, от времени до времени малость дымит и больше ничего не делает.

Начальства много больше, чем хотелось бы, и команды столько, что даже лиц не запомнишь. В помещениях можно заблудиться, а в каютах нет иллюминаторов, и круглые сутки гудит вытяжная вентиляция. Не видишь ни моря, ни берега, а только свою стальную коробку, и вся работа молодому мичману - вахтенным офицером стоять на баке, следить за тем, в какую сторону смотрит якорный канат.

Нет, служить надо на миноносце. Будь ты хоть самого последнего выпуска, на походе ты стоишь самостоятельным вахтенным начальником, а в кают-компании чувствуешь себя человеком. Конечно, выматываешься до последней степени, зато учишься делу, а в свободные часы живешь просто и весело.

Так весной 1917 года думал только что выпущенный из корпуса мичман Василий Андреевич Бахметьев. Так, помнится,

думал в те времена и я, служил на малых кораблях и был вполне счастлив.

Не менее счастлив был и Бахметьев. В кармане у него лежало предписание: явиться на эскадренный миноносец "Джигит". День стоял ясный и теплый, и было отлична с чемоданом в ногах ехать на автомобиле по чистеньким улицам Гельсингфорса в новенькой, аккуратно пригнанной офицерской форме.

Л то, что вместо привычных погон были нарукавные нашивки, особого значения не имело. Даже было красиво. Совсем как в английском флоте. И вообще о погонах жалеть не приходилось. Заодно со всем прочим они были сметены революцией, и от этого могло стать только лучше. Слишком уж неладен был старый порядок. Вернее - беспорядок.

Правда, новая эра началась страшновато и пока что выглядела тоже не слишком благополучно, однако иначе и быть не могло. Произошел взрыв, а взрыв всегда бывает страшным. Но, конечно, со временем все утрясется, и тогда обновленная страна победит в войне с Германией, и дальше пойдет великолепная жизнь.

Из всех этих рассуждений Бахметьева, по-моему, с полной очевидностью явствует, что ему было всего лишь двадцать лет, что он был опьянен весенним воздухом и своим чудесным превращением из воспитанника Морского корпуса в офицера российского флота и что в тонкостях морской службы он разбирался несравненно лучше, чем в политике.

Впрочем, должен отметить, что большинство его сверстников по выпуску, и даже старших его товарищей офицеров, было еще наивнее. Они даже не представляли себе, почему вообще произошла революция, и предпочитали об этом не думать.

Автомобиль остановился на перекрестке, и две девушки-шведки, взглянув на Бахметьева, улыбнулись. Как и следовало ожидать, он улыбнулся им в ответ, но сразу же снова стал серьезным. Ему, женатому человеку, подобное легкомыслие было не к лицу.

Сил нет, сколько самых разных глупостей люди делают в двадцатилетнем возрасте! Делают запросто и между прочим, а потом всем на свете, и в том числе самим себе, доказывают, будто так и надо.

Бахметьев, например, своей женитьбой был чрезвычайно доволен. Во-первых, по его понятиям, она была поступком благородным и красиво искупала последствия другого поступка, несколько опрометчивого.

Во-вторых, на пути к ее осуществлению ему пришлось преодолеть немалое сопротивление родных, и теперь, поставив на

своем, он чувствовал себя человеком взрослым и вполне самостоятельным.

И, наконец, Надя была очень славной девочкой, и было занятно на третий день после производства представлять ее своим товарищам: "Моя жена".

В одном из этих нарядных домов, может быть на этой самой улице с деревьями, они снимут маленькую квартирку. Совсем маленькую: две комнаты, кухня и подобающие удобства. Любопытно будет в ней расставлять вещи и придумывать уют.

Но еще любопытнее будет то, что, судя по самой простой медицинской арифметике, должно произойти не позже чем через три месяца, хотя сейчас по Надиной фигуре почти ничего не было заметно.

Молодчина Надя, хорошо держалась. И тоже хотела, чтобы был сын. Вздыхала, морщила нос и говорила, что с девчонками одно сплошное беспокойство.

Сама-то она была девчонкой. Сейчас на полный ход изучала какой-то учебник домоводства и что-то о младенцах. Просто умора. Заканчивала в Питере какие-то таинственные приготовления, а приехать сюда должна была в начале той недели, так что с квартирой следовало поторапливаться.

- Десять марок, - сказал шофер, и от неожиданности Бахметьев вздрогнул. Машина стояла - значит, они приехали. Очевидно, за этими железными воротами и был Сандвинский судостроительный завод.

- Прошу. - И Бахметьев протянул шоферу три пятимарковых бумажки. Пусть чувствует каналья, кого он вез!

Выскочил из автомобиля, вытащил чемодан и с лязгом захлопнул за собою дверцу. Жизнь начиналась отменно хорошо. И, по-видимому, всем было так же весело, потому что даже сторож, распахнувший перед ним калитку- хмурый финн с винтовкой, - и тот улыбнулся.

- Дядя, - спросил Бахметьев, - где здесь ваш знаменитый сухой док?

- Туда, - ответил финн, неопределенно махнув головой.

- Ну туда, так туда, - согласился Бахметьев, и быстро зашагал между двумя кирпичными зданиями. Яростно звенела пила, гулкими ударами бил молот, и весь тротуар дрожал от работы какой-то машины. Это тоже было отлично. Завод делал свое дело.

Но все же пришлось замедлить шаг. Чемодан не то чтобы был слишком тяжелым, однако бил по колену, и ручка у него была неудобная.

Нет, он зря дал шоферу целых пять марок на чай. Такая щедрость - дурацкий старорежимный шик, и, кроме того, теперь

полагалось соблюдать самую строгую экономию.

Где же, кстати, был этот самый сухой док?

Правая рука начинала болеть, и чемодан пришлось перекинуть в левую. Все-таки он весил около двух пудов, но унывать не стоило. Док должен был быть где-то рядом, а на корабле можно отдохнуть.

На корабле... Это звучало чрезвычайно приятно. Начиналась настоящая служба, та, к которой он готовился пять лет. И начиналась она, как он всегда мечтал, на миноносце. Чего же еще желать?

Впрочем, можно было пожелать, чтобы этот миноносец оказался поближе. Чемодан сильно резал левую руку, и становилось определенно жарко.

Но за поворотом открылись новые красные здания, и никакого дока не наблюдалось. Собственно говоря, десять марок тоже было слишком дорого. Разбойник-шофер знал, что везет новичка, и просто-напросто его обобрал. А сторож - чтоб ему пусто было - все это видел и над ним посмеялся. И вдобавок послал его "туда". Куда именно, хотелось бы знать?

Как назло, некого было спросить дорогу, а чертова пила визжала как оглашенная и не давала думать. Пришлось снова менять руку. Какой мерзавец изобрел эти плоские чемоданы с острыми углами?

Новый поворот - и опять ничего утешительного. Горы железной стружки и мусора, а дальше глухая стенка.

Значит, нужно поворачивать в другую сторону, а в какую - неизвестно.

Бахметьев поставил чемодан наземь, помахал в воздухе затекшей рукой, отер пот со лба и вполголоса выругался, но сразу же совсем рядом услышал дудку вахтенного и, подняв глаза, над крышей соседней мастерской увидел две мачты. Теперь все было в порядке.

И действительно, док оказался всего в нескольких десятках шагов, и в доке стоял темно-серый трехтрубный миноносец.

2

На стук никто не отозвался, и сквозь полураскрытые занавески Бахметьев увидел, что командирская каюта пуста. В каюте старшего офицера тоже никого не оказалось. Дальше был буфет, а за ним, по-видимому, кают-компания. И, распахнув дверь, Бахметьев в изумлении остановился на пороге.

Спиной к нему, вплотную к столу стоял высокий человек в люстриновом кителе без нашивок. Раскачиваясь на широко расставленных ногах, он медленно опускал руку с нагайкой. Вдруг нанес удар и громко сказал:

- Сто сорок три! - наклонился к столу, внимательно его осмотрел и с удовлетворёнием в голосе добавил: - Даже сто сорок четыре!

Смущенный Бахметьев кашлянул, и человек у стола, не оборачиваясь, спросил:

- А?

- Простите... - начал Бахметьев, но запнулся. Разговаривать с неизвестно чьей спиной, не зная, как к ней обращаться, было трудновато.

- Так и быть, прощу. Продолжайте. - И незнакомец наотмашь ударил по дивану. - Сто сорок пять!

Кем же он все-таки был, этот человек, и с какой стати лупил нагайкой по чему попало?

- Вы не знаете случайно, где здесь командир?

- Случайно знаю. - И, выпрямившись, высокий незнакомец повернулся лицом к Бахметьеву. - Я командир.

Сразу же руку к фуражке и официальный тон:

- Честь имею представиться. Мичман Бахметьев. Назначен в ваше распоряжение.

- Здравствуйте, Константинов, - переложил нагайку в левую руку, а правую протянул Бахметьеву, - Алексей Петрович.

Рукопожатие тоже вышло нескладным. Рука командира была со скрюченными мизинцем и безымянным пальцем, и от этого Бахметьев почему-то окончательно сконфузился.

- Ну-с, - сказал Константинов, - закройте рот, снимите фуражку и присаживайтесь. - Он слегка заикался, и на лбу у него горел ярко-красный шрам, но голубые глаза из-под светлых ресниц смотрели весело и с усмешкой. - Прошу чувствовать себя как дома.

Бахметьев, однако, чувствовал себя просто глупо. Не знал, куда девать руки, и не мог придумать, как держаться дальше. Фуражку все-таки снял и присел на край стула.

Константинов же, развернувшись с внезапной быстротой, полоснул нагайкой по переборке.

- Сто сорок шесть! - но, взглянув, покачал головой.- Вру, промазал, - и бросил свое оружие под стол. - Как видите, я изничтожаю мух. Они вреднейшие твари.

- Так точно, - осторожно согласился Бахметьев, а Константинов сел за стол, достал трубку и начал набивать ее табаком, который брал пальцами прямо из верхнего кармана кителя.

- А вы с завтрашнего дня займетесь тараканами. - И, точно объясняя, почему именно на Бахметьева он возлагал столь ответственное дело, Константинов добавил: - Вы будете у меня

минером.

- Есть, - ответил Бахметьев. - Разрешите закурить?

- Раз навсегда: в кают-компании для этого моего разрешения не требуется. Нате спички.

- Благодарю, господин капитан второго ранга.

Константинов выпустил столб густого дыма.

- Опять неверно: Алексей Петрович. А кто вам преподавал минное дело?

- Генерал-майор Грессер.

- Небезызвестный Леня? Впрочем, вы все равно ни гвоздя не знаете. Закашлялся и разогнал дым рукой со скрюченными пальцами. - Это, конечно, не беда, научитесь.- Только если что... не стесняйтесь, спрашивайте.

- Есть, спасибо. - Но все же не выдержал: - Почему вы думаете, что я ничего не знаю?

- Потому что это так и есть. И хороший офицер из вас выйдет только если вы будете учиться. А для тараканов рекомендую купить в аптеке порошку. Тут у них есть какой-то вполне действенный. Забыл, как он называется.

- Дозвольте войти?

В дверях кают-компании стоял низкорослый и смуглый матрос с густыми черными усами. Константинов, откинувшись назад, повернулся к нему лицом.

- Что расскажешь, Борщев?

Матрос повертел в руках фуражку и вздохнул. Потом решительно тряхнул головой.

- Старший офицер в порт ушли и всех свободных с собой взяли. Шестерку мыть некому.

- Беда, - согласился Константинов. - А вы наверное знаете, что на корабле больше людей нет?

- Да какие же люди? Нет людей.

- Тогда ничего не поделаешь, - и Константинов вздохнул в свою очередь. Видно, придется вам самому ее вымыть, поскольку вы ее старшина. До ужина времени много, а после ужина я проверю. Ступайте.

Борщев, однако, продолжал мять фуражку. Наконец надумал:

- Может, позволите кого из сигнальщиков взять? Они мостик свой кончили.

- Значит, нашлись люди? Я так и думал, что найдутся. Слушайте, Борщев, с такими делами обращайтесь к боцману, а мне, пожалуйста, голову не морочьте. Побарабанил пальцами по столу и добавил: - Берите сигнальщиков.

- Есть! - и Борщев четко повернулся кругом. Быстро взбежал по трапу и прогремел по стальной палубе над головами.

Константинов улыбнулся.

- Матросов теперь полагается называть на вы, однако службу с них требовать запросто можно. - Быстрым движением перегнулся через стол и дотронулся до рукава Бахметьева. - Этим вашим нашивкам пять копеек цена. Команда будет вас уважать только если сумеете себя с ней поставить. Носишко задирать ни к чему, но чрезмерный демократизм тоже не годится. Они его не одобряют, и совершенно правы. - Похлопал себя по карманам и тем же голосом закончил: - Стыдно, молодой человек, спички красть. Отдайте назад.

Спички действительно оказались в кармане Бахметьева, но теперь он уже не смущался:

- Это я по рассеянности, больше не буду.

- Ну то-то, - взял от Бахметьева коробок и принялся раскуривать потухшую трубку. - Надо служить - и все. За советом приходите ко мне, но, пожалуйста, не думайте, что я буду за вас заступаться перед командой. У меня и без того забот много.

- Я понимаю, - сказал Бахметьев. Служба теперь стала непростой, однако страшного в этом ничего не было. К счастью, попался командир, который, наверное, пользовался авторитетом. Иначе не смог бы так быстро привести в порядок не слишком дисциплинированного Борщева.

- Скажите, Алексей Петрович, что это был за матрос?

- Рулевой Борщев. Отличный рулевой, как по ниточке лежит на курсе. Считает себя анархистом, но это нас с вами не касается. Это политика. - Снова окутался синим дымом и пояснил: - Мои офицеры политикой не занимаются. Им некогда. А дела по минной части вы примите у артиллериста Аренского. Он сейчас ползает по погребам.

- Есть. - Теперь все было ясно и превосходно. Только почему-то плыла голова и слипались глаза. Может, от жары, а может, оттого, что не спалось всю ночь в поезде.

- Ваша каюта вот эта, - и мундштуком трубки Константинов показал на дверь в углу. - Сегодня воскресенье, и никаких происшествий не предвидится. Устраивайтесь, а я тоже посплю. - Встал из-за стола и вспомнил: - Да, ваше имя-отчество?

- Василий Андреевич.

- Василий Андреевич? Все равно забуду. - И вдруг улыбнулся: - Будем дружить, молодой.

3

Боюсь соврать, но, кажется, пневматический чекан, как пулемет Максима, дает до пятисот ударов в минуту, а то и больше. Нет, конечно, больше. Пожалуй, за тысячу.

Звучит он, во всяком случае, гораздо страшнее пулемета,

потому что удары его - по листовой стали обшивки, и от них вся пустая коробка стоящего в доке миноносца грохочет чудовищным барабаном.

Прошу читателя представить себе самочувствие людей, сидящих внутри этого барабана, когда работает три пневматических чекана сразу. Работают с семи часов утра, не останавливаясь ни на одну минуту, и постепенно гремят все громче, все ближе и ближе подбираясь к кают-компании.

К этому грохоту прошу добавить необходимость его перекрикивать, совершенно нестерпимую жару от раскаленной солнцем стали, а главное - обязанность думать и делать дело.

К одиннадцати часам Бахметьев окончательно перестал соображать, что с ним творится.

Аренский, сдавая минную часть, просто принес ему в каюту журналы, бумаги и ящик с капсюлями. Помахал рукой и убежал в город по своим личным делам. Пижон, черт бы его побрал!

Единственный человек, который мог бы помочь, старший минный унтер-офицер Мазаев, лежал в госпитале с аппендицитом. Нужно было на его место требовать из штаба нового специалиста, а потом самому его обучать.

Воздух гремел сплошным громом, со лба крупными каплями лил пот, и в горле дрожал какой-то непроглоченный комок. И приходилось знакомиться с бумагами, следить за кое-каким ремонтом по своей части на корабле и разбираться в чертежах новых противолодочных бомб, о которых он понятия не имел.

Без четверти двенадцать грохот резко оборвался. В первый момент от наступившей тишины стало еще хуже. Она давила на уши.

- К столу! - вдруг закричал в кают-компании старший офицер лейтенант Гакенфельт и рассмеялся сухим смехом.

- Что? - так же неестественно громко спросил старший механик, тоже лейтенант, по фамилии Нестеров, невысокий и полный человек с грустными глазами.

- Не могу, батюшка, приспособить свой голос к тишине.

Этот Гакенфельт Бахметьеву не понравился с первой же встречи. Слишком он был прилизан, слишком любил всякие чисто русские словечки и показное благодушие.

- Чижук, душа моя, - продолжал Гакенфельт, на этот раз обращаясь к кают-компанейскому вестовому. - Покорно прошу поторопиться.

Следовало сменить белый китель и вообще привести себя в порядок, а опаздывать не хотелось, чтобы не нарваться на какое-нибудь ласковое замечание Гакенфельта. В спешке Бахметьев сломал в волосах гребенку, оцарапал голову и негромко

выругался.

- Чем могу помочь, Василий Андреевич? - спросил из кают-компании проклятый Гакенфельт.

- Спасибо, я сейчас. - Воды в умывальнике не оказалось, потому что мыться в доке не полагается, а бутылка одеколону выскользнула из рук и, ударившись о раковину, разбилась.

- Ай-ай-ай! - посочувствовал появившийся в дверях Гакенфельт. - Не надо так торопиться, вот что я вам скажу.

Бахметьев пробормотал нечто невнятное и неизвестно зачем вытер сухие руки о грязный китель. Потом с мрачным лицом двинулся прямо на Гакенфельта.

- Разрешите?

- Прошу, прошу. - И, посторонившись, Гакенфельт улыбнулся углами губ.

Алексей Петрович Константинов уже сидел за столом и потирал руки. И так же потирал руки сидевший рядом с ним старший механик Нестеров и стремительно севший напротив мичман Аренский.

Не знаю почему, но подобное потирание рук неизбежно предшествует всякому кают-компанейскому обеду. Надо полагать, что оно способствует выделению желудочного сока.

- Твои кочегары завели себе кобелька, - обращаясь к Нестерову, сказал Константинов. - Я им разрешил.

- Видал, - отозвался Нестеров. - Собака - это хорошо.

- Кобелек черненький и вертлявый, - продолжал Константинов. - Они назвали его "Распутин" и повесили ему на шею медаль за трехсотлетие дома Романовых на соответственной бело-желто-черной ленте.

Гакенфельт, разливая суп, поморщился, но промолчал.

- Кочегары - веселый народ, - твердо сказал Нестеров и в упор взглянул на Гакенфельта.

- Бесспорно, - согласился Константинов. Это явно было сказано для поддержки Нестерова, и Гакенфельт опустил глаза. Бахметьев же от радости пересолил свой суп, но, попробовав его, виду не подал.

- От собак бывает много развлечений, - пробормотал Нестеров, по-видимому для того, чтобы повернуть разговор в другую сторону. Несмотря на свою мрачность и немногоречивость, он определенно был очень хорошим человеком.

- Правильно, - снова согласился Константинов. Должно быть, он тоже решил, что следует разрядить атмосферу, а потому предложил: - Хотите выслушать собачью историю?

- Хотим, - ответили Нестеров и Аренский.

- Конечно, - поддержал Бахметьев.

- Ну, тогда я вам расскажу, - и Константинов не спеша рассказал: - Была у нас на "Громобое" сучка, фокстерьер по имени Дунька. Это еще в ту войну было. Во Владивостоке. Веселая была дамочка и умненькая. Каждое утро с буфетчиком съезжала на берег, бегала там самостоятельно и обделывала какие-то собственные делишки, а с двенадцатичасовым катером непременно возвращалась на крейсер к обеду.

Конечно, больше всего на свете она любила охотиться за крысами, а у нас этого добра было достаточно. Даже по кают-компании, подлые, бегали среди бела дня.

Ну вот. Однажды смотрим: скачет Дунька как черт и от нее удирает здоровая рыжая крыса. Крыса на диван- он у нас шел вдоль борта, - Дунька за ней. Крыса на спинку дивана - Дунька тоже.

Дальше деваться некуда, и крыса" со страху бросилась в открытый иллюминатор прямо за борт.

Охота - азарт. Ясное дело, и Дунька прыгнула, только не пролезла. Застряла в иллюминаторе задней частью. Застряла и визжит. Неудобно ей.

Попробовали вытянуть назад - не идет... Шерсть не пускает. Как тут быть?

Оставить собачку в иллюминаторе нельзя. Непорядок. А пополам ее резать жалко. Думали, думали и решили спустить вестового за борт на беседке. С двух сторон Дуньку растянуть и попытаться заправить обратно.

Ну, спустили, взяли ее с обеих сторон за ноги, тянули, толкали - все равно не лезет, только еще хуже визжит. Опять думали и гадали и наконец придумали.

Был у нас такой мичман Пустошкин Лука, тот самый знаменитый, который бегал голый по Сингапуру. Так вот Лука Пустошкин и придумал выход из печального положения.

Взял чашку горячей воды, помазок, мыло и бритву и спустился за борт на второй беседке. Велел вестовому держать Дуньку обеими руками, а сам стал ее брить.

Дунька до того растерялась, что даже перестала визжать. Ну, он ее выбрил, а потом впихнул назад.

Только мельком мы Дуньку и видели - розовую с черными крапинками. Забилась она под диван и категорически отказалась оттуда вылезать.

Так там и жила, только изредка выбиралась за самой необходимой нуждой. И пока шерсть у нее не отросла, на берег, бестия, не сходила. Стеснялась.

- Угу, - сказал Нестеров, когда рассказ был кончен.- Животные

понимают.

- Здорово! - обрадовался Бахметьев. - Хотел бы я на нее посмотреть, когда ее выбрили.

- Конечно, наилучший выход из положения, - отметил Гакенфельт.

- Необычайно лихо, - подтвердил Аренский.

Словом, все слушатели рассказом остались довольны, и каждый выразил это по-своему. Константинов же, протянув свою тарелку Гакенфельту, потребовал прибавки.

Веселый рассказ в кают-компании - великое дело. Он отвлекает людей от повседневных забот и огорчений судовой жизни, украшает досуг и вообще помогает существовать в обстановке далеко не всегда веселой.

Потому он и процветает на кораблях. Поэтому и вспоминают моряки - днем за обеденным столом, а вечером в уютном углу дивана - о множестве занимательных происшествий и воспоминания свои стараются излагать соответствующим языком.

И, может быть, потому же иные из них вдруг берутся за перо и неожиданно для самих себя становятся писателями.

4

За день Бахметьев успел узнать немало полезного.

Присмотревшись к работе своих подчиненных, определил, что минеры Сухоносов и Махмудьянов - люди толковые и надежные, а Бублик и Лихолет, наоборот, явные лодыри, которых следовало подтянуть. Особенно вихрастый Бублик, великий мастер по части разговоров.

Познакомился с Председателем судового комитета - старшим артиллерийским унтер-офицером Мищенко, мужчиной огромного роста, бесспорно положительным и грамотным, и решил, что с ним можно будет сговориться.

Конечно, тех, кто еще недавно числился в нижних чинах, он расценивал со своей, чисто офицерской точки зрения и, конечно, сам этого не замечал. Напротив того, ему казалось, что он сумел просто и хорошо к ним подойти, чем был чрезвычайно доволен.

Кроме того, он окончательно постиг устройство противолодочных бомб, к счастью оказавшихся значительно проще, нежели он думал, и тут же на собственном опыте убедился в том, что его командир своих приказаний не забывает.

Даже о тараканах Константинов помнил и поинтересовался, почему именно он до сих пор не купил порошка, потому ли, что вообще считал ненужным исполнять приказания, или просто потому, что ему было лень?

Пришлось извиняться и краснеть, разыскивать, кого можно было послать в город, и, за неимением лучшего, довериться

Бублику, который обещал все справить в наилучшем виде, но до ужина на корабль не вернулся.

Аренский посоветовал не принимать командирского гнева близко к- сердцу и к слову рассказал, что Алексея Петровича на флоте звали "апостол Павел".

Звали его так за живописную привычку при случае произносить необычайные комбинации из крепких слов, обязательно заканчивая эти комбинации ссылкой: "как говорил апостол Павел".

С годами прозвание его настолько крепко к нему приросло, что фамилия его была почти забыта. Кому по чину позволено - прямо в глаза, а прочие за глаза звали его Апостолом, и он не обижался.

Всякий трудовой день, однако, рано или поздно заканчивался вечерним отдыхом, а вечером вся кают-компания эскадренного миноносца "Джигит" в полном своем составе отправилась в ресторан "Берс".

Вообще говоря, Бахметьев отнюдь не собирался ходить по ресторанам. Это никогда его не прельщало, а теперь вдобавок деньги ему нужны были совсем для иного. Однако в этот вечер отказаться он не мог. Пиршество было почти официальным и некоторым образом в честь его прибытия на миноносец.

В двадцать часов они сошли на берег, все пятеро как один в белых кителях и белых брюках, в темно-красных шелковых носках и с такими же темно-красными платочками, уголком торчавшими из карманов кителей. Такова была традиция кают-компании "Джигита" - при совместных выходах точно следовать форме одежды командира во всех ее мельчайших подробностях. Шли пешком по широкой, усаженной двумя рядами деревьев Бульварной улице, а потом по еще более широкой и зеленой Эспланаде.

Встречали немало знакомых, преимущественно своих же моряков, и в организованном порядке отдавали им честь. Встречали множество девушек самых разнообразных категорий и рассматривали их со сдержанным, но нескрываемым интересом.

Не спеша дошли до "Берса", который оказался расположенным в погребке, а потому уютным и прохладным. Нашли столик у стены, где свет был мягким, а музыка не мешала разговаривать, и расселись в таком же порядке, как у себя на корабле.

- Итак, - сказал Константинов, когда то, что он называл боевым запасом, было должным образом расставлено на столе, - первую, как всегда, за дам!

- За дам, - поддержали остальные и подняли рюмки.

Шведский пунш обладал изрядной крепостью и неплохим привкусом, но с непривычки от него хотелось кашлять.

Константинов собственноручно налил по второй рюмке и пояснил:

- Этим напитком мы сегодня начинаем, в нарушение всех человеческих правил, специально ради нашего молодого... - Посмотрел на свою рюмку на свет, подумал и добавил: - Ну, конечно, забыл его имя-отчество.

- Василий Андреевич, - подсказал Бахметьев.

- Совершенно верно, - согласился Константинов, - однако несущественно. Как бы молодого ни звали, я не хочу, подобно небезызвестному Иисусу Христу, поить его хорошими вещами тогда, когда он уже будет не в состоянии отличить их от кваса.

С происшествия в Кане Галилейской, которое по достоинству было оценено как самое веселое чудо в священной истории, разговор естественно переключился на попов.

Попов Алексей Петрович не одобрял. Они разделялись на сладкоголосых карьеристов и просто волосатых бездельников. Самый приличный из всех был некий иеромонах на "Громобое", отлично пивший водку и даже плясавший на столе качучу, Однако и тот ковырял в носу и во всех отношениях был серым, как штаны пожарного,

- Сделаем еще, - предложил старший механик Нестеров.

- Первую за дам! - провозгласил Константинов. На этот раз это была водка, и по общему счету уже не первая, а по крайней мере пятая, но формула тоста не изменялась. Так было принято.

Скрипка заиграла нестерпимо жалобную мелодию, и свет стал еще более тусклым и мягким.

- Попы, - сказал Нестеров с сильным ударением на втором "п" и засмеялся. Расскажи еще что-нибудь.

- Расскажу, - согласился Константинов и, опрокидывая рюмку в рот, осторожно придержал пальцем верхнюю челюсть. Она у него была вставная и ненадежная. - Не удивляйтесь, молодой, мне все зубы сняли японским осколком. Почти безболезненно.

- Нет, про попов, - запротестовал Нестеров. - Помнишь нашего на "Ильмене"?

Еще бы Алексей Петрович его не помнил! Отец Семион Сопрунов. Жирный, как два борова, и особливо глупый. В самом начале этой войны решил заработать "георгия", а для того придумал с крестом в руках воодушевлять команду на совершение ратного подвига.

- Как? - удивился Бахметьев. - Ведь "Ильмень"-то заградитель. Что же там воодушевлять?

Константинов кивнул головой и обильно полил уксусом свой

паштет из дичи. Он любил сильные вкусовые ощущения.

- Именно. Однако он во время ночной постановки вылез на верхнюю палубу и кроме креста взял с собой складной стул. Воодушевлять можно и сидя, а долго стоять по его комплекции было ему нелегко.

Мы даже не видели, как он вылез, и вдруг в темноте слышим вопль. Этакий лающий вопль, как будто большого волкодава переехало грузовым автомобилем.

Конечно, сразу приостановили постановку. Думали, кого-нибудь прихватило миной. Бегали и искали по всей палубе. Ощупью, потому что огня открывать в таких случаях не полагается.

Ну и нашли отца Семиона. Складной стул, вместо того чтобы открыться, закусил ему его обширную корму, и он не мог ни встать, ни сесть. Находился в наклонном положении и взывал гласом великим.

Разумеется, мы его осторожненько спустили с трапа вместе со всеми его принадлежностями, и "Георгия" он не заработал... За дам!

- За дам! - подхватили остальные, а Нестеров снова засмеялся:

- Ты сам лицо духовного звания. - Он явно охмелел и, ставя рюмку на стол, чуть ее не разбил. - Ты апостол Павел.

- Совершенно справедливо, - согласился Константинов и повернулся к Бахметьеву: - Вам это тоже известно, молодой?

Он держался просто и великолепно. Нужно было так же спокойно и ясно ему отвечать, а в глазах уже плавал туман, и сердце стучало прямо в самой голове. Все-таки Бахметьев взял себя в руки:

- Так точно, Алексей Петрович, кое-что слыхал.

- Тогда представьте себе следующий случай... Только сперва выпейте сельтерской. Здесь жарковато, а она освежает. - И Константинов передал Бахметьеву бутылку.

Он, конечно, был самым лучшим человеком на свете. Как ясно он все увидел и как тактично умел помочь! Бахметьев был готов за него умереть, но высказать этого не мог.

- Алексей Петрович, я всегда... - и запнулся. - Большое спасибо.

- Ну так вот, - продолжал Константинов, делая вид, что ничего не замечает. - Стояли мы как-то раз на "Громобое" в Гонконге, и приехал к нам новый поп, взамен того самого, который плясал качучу и окончательно спился.

Если вам известно мое почетное прозвище, то, вероятно, известно и то, что получил я его за несколько своеобразное

цитирование вышеупомянутого апостола.

А попу это было не известно. Приехал он как раз в воскресенье, отслужил свою первую обедню и надумал произнести проповедь. Начал: "Братие, как говорил апостол Павел..." Ну и сразу вся команда, а с ней и господа офицеры заржали, точно жеребцы. Он опять: "Апостол Павел рече..." Опять ржут. Все девятьсот пятьдесят охри человека, за исключением занятых вахтенной службой. Тут он окончательно растерялся и удрал в полном облачении курц-галопом.

Бахметьев смеялся до слез. Аренский от радости мотал головой, а Нестеров блаженно улыбался, потому что на большее способен не был. Один только Гакенфельт оставался невозмутимым и почти высокомерным.

И, взглянув на него, Нестеров вдруг помрачнел. Потом, видимо, пересилил себя и дрожащей рукой протянул к нему рюмку, чтобы чокнуться.

- Выпьем!

- Может быть, хватит пока что? - сухо спросил Гакенфельт.

Нестеров сразу изменился в лице, поставил рюмку на стол и немедленно начал вставать.

- Друг мой механик, - остановил его Константинов. - Хочешь, я тебя женю?

От неожиданности Нестеров снова сел.

- Меня? Зачем? - И, подумав, добавил: - Нет, не хочу.

- Ну, не хочешь, не надо. Тогда давай дальше пить. Только начнем с освежительного. - И Константинов налил Нестерову полный стакан сельтерской. Сделано это было с необычайной ловкостью. Нестеров до дна осушил свой стакан и сразу забыл о Гакенфельте.

- А я женился, - вдруг сказал Бахметьев.

- Да ну? - удивился Аренский.

- Невозможно, - не поверил Константинов.

- Факт. Женился. Как полагается.

Константинов неодобрительно покачал головой:

- Таким молодым совсем не полагается.

Аренский вдруг крикнул: "Горько!" - и через стол полез целоваться, а Гакенфельт не то засмеялся, не то закудахтал.

От всего этого к горлу комком подступала тошнота, хотелось убежать и расплакаться, и не было никакого выхода. Но Константинов поднял руку и сказал:

- Стоп! Прекратим разговоры на печальные темы, Кто хочет мороженого?

И сразу в зале поднялся дикий шум и выкрики, и оркестр начал играть какой-то торжественный марш. И сквозь дым и

туман стало видно, как все сидящие поднимаются и все как один смотрят на столик "Джигита".

Но одним из первых вскочил на ноги Константинов.

- Прошу встать. Это их национальный марш, Бьернборгский. - И, когда встали остальные, вполголоса пробормотал:- Политическая демонстрация по нашему адресу. Ладно, я им тоже продемонстрирую.

Он первым зааплодировал, когда марш кончился, но, поаплодировав, вынул из кармана пистолет, положил его на стол и в наступившей полной тишине скомандовал оркестру:

- "Марсельезу"!

Два раза повторять свое приказание ему не пришлось, и зал быстро и исправно снова поднялся, Без восторга, конечно, но с полным уважением. Пистолет лежал у всех на виду.

- Что вы сделали? - ахнул Гакенфельт, - Она же революционная...

- Тихо! - ответил Константинов." - Это сейчас наш гимн. Другого у нас нет.

И они стояли навытяжку: Аренский, с глупой улыбкой, Гакенфельт, бледный и растерянный, Нестеров, о неожиданным светом в глазах, и торжественный Константинов. И в зале гремела широкая песня, придуманная совсем не ими.

5

Вечером вышли из дока и сразу стали под угол к борту транспорта "Мыслете". Потом перетянулись к стенке и всю ночь грузили боевой запас. Утром должны были выходить.

Над морем висела мгла, и в бледном свете июньской ночи лица людей казались серыми пятнами. Смертельно хотелось спать.

Угольная пыль была везде. Смешанная с сыростью, она осаждалась на палубе и надстройках, облипала лицо, Лезла в волосы и хрустела на зубах. От нее можно было взбеситься.

У баркаса, везшего торпеды, вдруг испортился мотор, И - он добрых полчаса проболтался тут же рядом, в нескольких десятках саженей от миноносца. И не было никакой физической возможности ему помочь. Обещанный штабом минный унтер-офицер все еще не явился, и, как назло, исполнявший его обязанности минер Сухоносов при приемке торпед на борт сильно поранил себе руку.

Наконец все-таки торпеды были введены в аппараты.

Нужно было сразу взяться за их накачку, но тут прибыли из порта противолодочные бомбы, и на все дела не хватало рук.

Помыться Бахметьеву удалось около шести часов утра. Ложиться спать все равно было поздно, а потому он вышел в

кают-компанию, сел за стол и налил себе стакан остывшего чая.

В углу дивана, сложив руки на животе, дремал старший механик Нестеров. Ему тоже досталось в эту ночь. Впрочем, и остальным было нелегко. Гакенфельт до сих пор разгуливал по палубе и руководил окончательной приборкой. Он, конечно, был неприятной личностью, но тем не менее отличным служакой. Здорово понял команду.

Кстати, он любопытно рассуждал. Говорил: чем больше дела, тем меньше всякой политики. Почему сейчас на миноносцах полная налаженность, а на больших кораблях черт знает что? Просто потому, что миноносцы плавают, а большие корабли торчат в гаванях. А в море, батюшка мой, революция или не революция, но команда все равно миленькая, потому что знает: без нас ей не вернуться домой.

И еще: дайте мне волю - я их от всех разговоров отучу. Будут у меня уважаемые свободные граждане опять на задних лапках бегать, а я на них плевать буду.

Это, однако, было уже не столько любопытно, сколько противно. Это была та самая пакость, которая разложила старую Россию. Нет, все-таки Гакенфельт был гнусным типом.

Сахар в стакане не растворялся. Пришлось съесть его просто так, а от этого снова захотелось пить. Бахметьев взялся за чайник, но, кроме разваренных чаинок, в нем почти ничего не оказалось.

Вообще с жизнью получалась какая-то сплошная чепуха. Надя приезжала с поездом восемь тридцать, а ровно в восемь миноносец снимался и уходил в Рижский залив.

Было чрезвычайно мало шансов снова попасть в Гельсингфорс раньше чем через два месяца, и все эти два месяца Надя должна была провести в полном одиночестве.

А возвращаться ей в Питер никак не годилось. Ее мать не могла ей простить всей истории с ее замужеством и теперь грызла ее с утра до вечера.

Хорошо еще, выручил товарищ по выпуску, барон Штейнгель. Обещал Надю встретить и отвезти на -квартиру. К сожалению, совсем не на ту, о которой мечталось. В городе свободных квартир вовсе не было, и пришлось удовлетвориться не слишком удобной комнаткой у какой-то старой девы с громкой шведской фамилией.

К тому же проклятая старая дева согласилась их впустить только потому, что у них не было детей. Тоже казус. Ведь в самое ближайшее время она должна была заметить, что Надя готовится стать матерью. Что тогда?

Впрочем, Штейнгель обещал впоследствии подыскать что-либо более подходящее, а он был мужчиной надежным,

И чрезвычайно ловко делал карьеру. Прямо из корпуса попал в штаб минной дивизии каким-то самым последним флаг-офицером, но уже пользовался расположением начальства и имел вид солидный и деловой.

Нет, начинать службу нужно было не в штабе, а, конечно, в строю. На корабле совсем другие люди и другое отношение к делу.

Он был очень счастлив, что попал на миноносец, и все его судовые дела обстояли превосходно. Торпеды лежали в аппаратах, накачанные воздухом до полного давления. Бублик значительно сократился и стал совсем неплохим работником, а тараканий порошок, закупленный в достаточном количестве, действовал без отказа.

Тараканы, большие и маленькие, черные и рыжие, вдруг бросились врассыпную с буфета на пол, а потом по трапу на верхнюю палубу и с палубы через сходню прямо на берег.

Когда крысы покидают корабль, корабль непременно тонет, но тараканов эта примета не касается. Тараканы - просто мразь. Пусть они убираются ко всем чертям.

- Правильно, - подтвердил Константинов, а он был великолепным человеком и все знал. - Первую за дам! - И рукой со скрюченными пальцами разогнал тучу синего дыма.

Кают-компания уже стала залом "Берса", и бледный Гакенфельт улыбался недоброй улыбкой. Нужно было встать и ударить его по лицу, но в ногах страшная тяжесть и руки не отрывались от стола. И Степа Овцын (почему Степа, которого он не видал с самого выпуска?) схватил его за плечо и тряс изо всей силы:

- Василий! Вася!

Как ни странно, но это в самом деле оказался Овцын, веселый и улыбающийся, в фуражке и с плащом, перекинутым через руку. Он стоял совсем рядом, и на его животе нестерпимо ярким пятном горел солнечный луч из иллюминатора.

- Проснись, пожалуйста. Уже полвосьмого.

Бахметьев с трудом поднялся на ноги. Вне всяких сомнений, это действительно был Степа. Та самая блаженная овца, с которой он проучился пять лет в одном отделении.

- Как ты сюда попал?

- Очень просто. Меня, видишь ли, к вам назначили. Кажется, я здесь буду штурманом. - И Овцын, вдруг выпучив глаза, понизил голос до таинственного шепота: - Я уже представлялся капитану. Он чудной какой-то.

Бахметьев представил себе, какой у Степы мог получиться разговор с Константиновым, и расхохотался.

- Что ты? - удивился Овцын.

- Ничего, Степанчик, золотко. Я просто очень рад, что мы с тобой будем вместе плавать. - И Бахметьев обнял Степу за талию. Он в самом деле был рад. Он его всегда любил.

- Ну вот, ну вот. - Овцын широко улыбнулся и даже покраснел. К Бахметьеву он с самой шестой роты испытывал нечто вроде институтского обожания и теперь совсем сконфузился. Отскочил в сторону и, стараясь выглядеть равнодушным, спросил: - А знаешь, кто еще будет с нами плавать?

- Разрешите? - раздался новый голос, и Бахметьев повернулся к двери. И, взглянув, снова не поверил своим глазам. Перед ним, неподвижный и невозмутимый, стоял Плетнев.

- Вот кто, - торжествующе сказал Овцын. - Помнишь, как он обучал нас минной премудрости и подсказывал тебе на репетиции?

Зачем только Степа сдуру сунулся? Еще бы Бахметьев забыл Плетнева после того, что между ними произошло! Он даже слишком хорошо его помнил, и теперь ему трудно было с ним заговорить.

- Здравствуйте, Плетнев, что расскажете?

- Здравствуйте, - и после легкой паузы: - Господин мичман.- И, еще подумав, спросил; - Кто тут будет минный офицер?

- Я, - ответил Бахметьев. - В чем дело?

- Являюсь. Назначенный в ваше распоряжение старший минный унтер-офицер Плетнев.

6

Прекрасно впервые в жизни чувствовать под ногами мелкую дрожь стальной палубы, слышать ровный и густой голос вентиляторов, обонять запах теплого машинного масла и видеть вогнутую дугой волну, бегущую вдоль борта, и кипение белой пены за кормой.

В такие минуты ощущаешь миноносец живым существом, а самого себя неотъемлемой его частью. В такие минуты хочется петь и смеяться, и если не делаешь ни того ни другого, то только потому, что это выглядело бы несколько нелепо.

Солнце ярко светило с левого борта. Чайки, качаясь на узких крыльях, плавали в синеве наверху. Скользя по зеркальному, штилевому морю, за корму быстро уходила высокая башня маяка Грохара.

- Хорошо! - сказал Бахметьев. Вздохнул полной грудью и, обернувшись, вздрогнул. Рядом с ним стоял Плетнев. Он сам вызвал его наверх через вахтенного, но, заглядевшись на море, о нем забыл. А теперь получилось совсем неудобно. Он, наверное,

слышал.

- Вот что, Плетнев. Нужно проверить изготовление торпед к выстрелу. Их Махмудьянов изготовлял. Он, вообще говоря, толковый минер, однако рисковать не годится. - Чтобы заглушить неловкость, Бахметьев говорил быстро и уверенно. И вдруг вспомнил: совсем так же было тогда, на репетиции в минном кабинете. И речь тоже шла об изготовлении торпеды к выстрелу, и тот же Плетнев ему подсказывал. Поэтому кончил он нерешительно: - Углубление девять футов, открыть клапан затопления и всякое такое. Сами разберетесь.

- Разберусь, - ответил Плетнев.

Улыбнулся он, или это только показалось? Конечно, он не мог забыть случая в минном кабинете, и это было крайне неприятно. И вообще, что может быть глупее необходимости командовать человеком, который дело знает несравненно лучше тебя!

- Пойдем, - сказал Бахметьев и, собрав всю свою храбрость, добавил: - Я поучусь.

- Есть. - И они пошли к первому аппарату.

На этот раз в глазах Плетнева было видно явное одобрение. Значит, так напрямик и нужно было действовать. И оттого что он поступил правильно, Бахметьев снова повеселел.

До сих пор он не мог понять: доволен он или нет появлением Плетнева на корабле, а теперь знал: конечно, доволен. Плетнев превосходно знал минное дело, и с ним все беспокойство за материальную часть отпало.

А то, что он был революционером, никого не касалось. Революция все равно уже произошла, и, кроме того, политикой - на "Джигите" никто не занимался. Словом, то, о чем не хотелось вспоминать, можно было просто забыть.

- Вот, - сказал Плетнев, открыв верхнюю горловину. Пальцем провел по указателям и доложил, что все в порядке. Потом прошел к зарядному отделению, а от него обратно к хвосту. Предохранительная чека ударника и все хвостовые стопора были сняты.

Плетнев говорил коротко и спокойно. Делал вид, будто не учит, а сам отвечает урок. Откуда у него было столько такта?

- Понятно, - сказал Бахметьев, чтобы лишний раз подчеркнуть свое ученичество.

- Патрон, - ответил Плетнев, - который, загораясь, приводит в действие подогреватель. - И тем же ровным голосом рассказал обо всех прочих проверках торпеды.

- Двенадцать баллов, - не удержался Бахметьев, и Плетнев снова как будто улыбнулся. Наверное, опять вспомнил.

- Разрешите закрывать?

- Пожалуйста. А следующую я сам проверю. - И от первого аппарата они перешли к следующему.

Из всего этого получилось очень неплохое практическое занятие, кстати сказать прошедшее не без пользы для службы: на третьей торпеде удалось обнаружить и устранить неточность в установке прибора расстояния.

Окончательно развеселившись, Бахметьев вдруг спросил:

- А вы довольны, что попали на миноносец?

Он просто не представлял себе той пропасти, которая отделяла его от Плетнева, и совершенно неверно его понял, когда тот ответил:

- Здесь мое дело.

Обрадованный, он кивнул головой:

- Ну конечно. И я тоже очень доволен, что попал. - Однако дальше распространяться на эту тему было неудобно, а потому Бахметьев махнул рукой: Все в порядке. Ступайте отдохните, - и быстро зашагал к мостику. Нужно было присмотреться к тому, что там делается. Еще поучиться.

Из всех трех труб шел легкий, почти прозрачный дым. На гафеле полоскался маленький прокопченный андреевский флаг. Хорошо бы сейчас посмотреть на свой миноносец со стороны. Наверное, он здорово выглядел.

- Разрешите? - спросил Бахметьев, останавливаясь на трапе.

- Сделайте одолжение, - ответил стоявший на вахте Аренский. - Просю покорно.

Он стоял на правом крыле и, щурясь, рассматривал горизонт в бинокль. У него был отличный военно-морской вид, которым он малость рисовался, потому что тоже недавно кончил корпус. Всего лишь год назад.

И внезапно ему представилась возможность развернуться во всей своей красоте. Показать молодому, как нужно служить.

- Сигнальщик! Кто кому должен докладывать: вы мне или я вам? Справа по носу две мачты! Вахтенный, доложить командиру.

- Есть! - крикнул вахтенный и с громом сбежал по трапу.

Бахметьев бросился к дальномеру, но развернуть его не смог. Забыл, где он стопорится.

Мачты без дыма - это, несомненно, был военный корабль. Может быть, свой, а может быть, и нет, и от этого охватывала приятная тревога. Только где же был стопор?

Наконец дальномер развернулся, и в его круглом поле скачками понеслась потускневшая вода. Мачты мелькнули в глазах, но, подпрыгнув вверх, исчезли. Не сразу удалось снова их поймать, а удержать в поле зрения было еще труднее: сильно

мешала тряска.

Одна из них была высокой, а другая коротенькой. Между ними намечались три низкие трубы и кое-какие надстройки. Похоже, что это был миноносец, и, скорее всего, очень большой.

Но сообщить Аренскому результаты своих наблюдений Бахметьев не успел.

- Господин мичман, - сказал сигнальщик Осипов, - это "Забияка", и мы его уже докладывали. Он вышел вперед нас, а теперь обратно повернул.

- Ну? - спросил появившийся на мостике Константинов. - Где здесь грозный неприятель?

- Это "Забияка", господин капитан второго ранга, - не смущаясь доложил Аренский. - Почему-то возвращается.

- Не препятствовать, - ответил Константинов. - А какой у вас курс?

- Как на румбе?! - лихо крикнул Аренский.

- Двести два! - отозвался рулевой.

- Есть, - сказал Константинов. - Только кричать на мостике совершенно необязательно. Пожалейте свой баритон, любезный артиллерист.

Это тоже было неплохое практическое занятие. Служить, как Аренский, явно не стоило.

7

Убежденный черноморец Степа Овцын вышел служить на Балтику из очень высоких и торжественных соображений.

- Ты понимаешь, - сказал он Бахметьеву, - у нас в Севастополе все прошло спокойно. А здесь - Кронштадт и Гельсингфорс, понимаешь?

- Пока что нет, - ответил Бахметьев. - Кронштадт и Гельсингфорс всегда здесь были.

Разговор происходил в каюте Бахметьева и сопровождался глухим шумом винтов, дребезжанием стаканов в буфете кают-компании и шумом воды за бортом.

Взъерошенный Овцын вскочил с койки и, поскользнувшись, схватился за полку.

- Как не понимаешь? Забыл здешние события? Убийства и весь ужас? Потому-то я сюда и пошел!

Бахметьев невольно улыбнулся. Милейший Степа абсолютно ничего не понимал во всем, что происходило, и решил принести себя в жертву. Как это было на него похоже!

- Боюсь, что ты разочаруешься. Здесь больше никого не убивают и не собираются в дальнейшем.

- Ну вот! - И обиженный Овцын снова сел. - Как будто я этого хочу! Да ты пойми: я просто должен был пойти туда, где трудно.

- Трудно? - спросил Бахметьев и задумался,

Почему получалось так, что в разговоре со Степой он чувствовал себя чуть ли не стариком, а перед всеми остальными людьми на миноносце, в том числе и перед командой, был форменным мальчишкой?

И еще: почему старшие гардемарины в корпусе выглядели значительно солиднее, чем мичманы во флоте? Между обоими этими явлениями была какая-то связь, но отыскать ее он сейчас не мог.

- Нет, Степанчик, здесь вовсе не трудно. - Волна, хлестнув по борту, темно-зеленой тенью перекрыла иллюминатор.- Только, увы, жарковато и нельзя устроить сквозняк. Зальет.

Степа заморгал глазами и стал совсем похожим на опечаленную овцу. Нужно было срочно его утешить.

- Слушай, юноша. Я действительно забыл о первых днях революции и тебе советую забыть. Все это, видишь ли, было законно, неизбежно и... кончилось. Разумеется, нам с тобой придется служить не совсем в тех условиях, к которым мы готовились, однако это не столь важно. Служба остается службой.

Но Овцын запротестовал:

- Брось, пожалуйста. Тут какие-то комитеты, а потом митинги. Чего-то требуют и голосуют. Почему-то мир без аннексий и контрибуций. На кой черт вся эта война, если, например, Черное море по-прежнему будет заткнуто пробкой?

Может, вся эта война и в самом деле была ни к чему, только об этом со Степой разговаривать не стоило. Да и самому над этим задумываться не имело никакого смысла.

- Стоп! - И Бахметьев поднял руку. , - Нет! - вдруг возмутился Овцын. Дай договорить. Всякие земельные вопросы и восьмичасовой рабочий день. Какая же тут служба? И потом: оказывается, что мы с тобой сволочи. Как же нам после этого ими командовать? - Махнул рукой и отвернулся. - А ты говоришь: не совсем те условия и не столь важно.

- Тихо, Степушка, тихо!

Милейший Степа волновался совершенно напрасно. Порол всяческую чепуху, которая не имела никакого отношения к делу. Неизвестно зачем разводил панику.

Исходя из этих соображений, Бахметьев положил Овцыну руку на колено и посоветовал:

- Возьми, сердце мое, графин вот там, на умывальнике. Налей себе стакан воды и выпей. - И, не дав Овцыну времени ответить, тем же размеренным голосом стал его поучать: -Не спорю, все эти митинги и разговоры сейчас процветают. Процветают потому, что в нынешнее время они просто необходимы. Однако что же от них

в конце концов меняется?

Овцын только развел руками.

- Ровно ничего, Степанчик. Ровно ничего. И по той самой простой причине, что мы с тобой плаваем по морю, а все эти разговоры происходят на берегу. На вахте, друг мой, много не помитингуешь, и в море команда все равно должна нам верить. Иначе она не доберется до порта.

Овцын тяжело вздохнул. Он был окончательно сбит с толку, что, впрочем, и неудивительно.

- Кроме того, имей в виду, что у нас на "Джигите" не так, как везде. У нас ни революцией, ни политикой никто не занимается, - и совершенно механически Бахметьев закончил: - Некогда.

Конечно, все это было невероятно бестолково.

Мне просто стыдно за Васю Бахметьева, что он, на чав почти осмысленно, вдруг припутал целую кучу чужих, отнюдь не слишком умных рассуждений, вплоть до цитат из Гакенфельта.

Однако я ничего не могу сделать. Все эти рассуждения были в ходу среди морского офицерства тех неопределенных времен, хотя и напоминали мысли страуса, спрятавшего голову и полагающего, что все обстоит превосходно.

И, конечно, так же как и вышеупомянутый страус, Бахметьев жестоко ошибался.

Сидевший на рундуке в унтер-офицерском кубрике Семен Плетнев, не поднимая глаз от своего шитья, спросил:

- Значит, все больше эсеры?

- Да нет, - нерешительно ответил великан Мищенко, старший артиллерийский унтер-офицер и председатель судового комитета, - всякие, конечно, есть, однако у нас споров не бывает. Хорошо живем.

Плетнев зашивал рабочую рубаху и не торопился. Клал стежок к стежку, ровно и. аккуратно, изредка опуская свою работу на колени и любуясь ею издалека.

- Хорошо, говоришь, живете?

- Сил нет как хорошо, - усмехнулся хозяин левой машины унтер-офицер Лопатин. - Прямо как бывшие цари, только чуть похуже.

Мищенко покосился на него, но промолчал. С Лопатиным было опасно связываться.

- И не спорите? - снова спросил Плетнев.

- Это как сказать, - ответил Лопатин, и Мищенко опять промолчал.

С этим Лопатиным нужно было бы познакомиться поближе и поговорить по душам, а пока что ни на кого не нажимать и не обострять разговора.

- Значит, всяко бывает. Как у всех людей, - сказал Плетнев.

- Ну, бывает, - и Мищенко вдруг улыбнулся, - вот наш Ваня Лопатин все из-за каши спорит.

Но шутка пропала впустую. Никто из сидевших в кубрике не обратил на нее внимания. Плетнев продолжал шить, Лопатин молча потирал подбородок, радист Левчук читал какую-то брошюру, а рулевой Борщев, мрачный и неподвижный, сидел в углу.

- А как офицеры? - спросил наконец Плетнев.

- Офицеры есть офицеры, - ответил Борщев. Мищенко пожал плечами:

- Офицерство правильное. Командир очень уважаемый человек, и все прочие тоже ничего. Двое молодых есть. Тех не знаем, однако и в них вреда быть не может. - Гакенфельт сука, - ответил Борщев, но Мищенко не обратил на него внимания.

Он считал его ничтожеством и до споров с ним не снисходил.

- Гад, - не отрываясь от своей брошюры, поддержал Левчук.

- Ты! - властно остановил его Мищенко. - Что ты понимаешь? Старший офицер - это такая должность, что - хочешь не хочешь - нужно быть гадом.

- Самая форменная сука, - повторил Борщев.

- Да что ты! - И Лопатин закачал головой. - Разве можно его такими, словами обзывать? Он же такой хороший человек, что даже сказать нельзя. Я вот помню его еще в экипаже. Там он, конечно, старшим офицером не был, но морду бил здорово.

Такой разговор председателю судового комитета нужно было оборвать на месте.

- Тебе? - резко спросил Мищенко и всем своим телом перегнулся через стол.

- Мне, - спокойно ответил Лопатин и в упор взглянул на Мищенку. - Два раза.

Сразу наступила тишина. За бортом глухо шипела вода, и, точно огромное сердце, бились винты. Левчук, опустив брошюру, насторожился, и Плетнев на мгновение приостановил свое шитье.

Теперь оставалось только сделать вид, что все это несущественно. Откинувшись назад, Мищенко зевнул и прикрыл рот рукой.

- Уж ты расскажешь! - Еще раз зевнул и изо всей силы потянулся. - Пойти покурить, что ли?

- Пойди, - согласился Лопатин, но Мищенко ему не ответил. Молча надел фуражку и, пригнувшись, чтобы не удариться головой, вышел в дверь.

Плетнев откусил зубами нитку. Его работа была сделана мастерски. Шов получился превосходный.

Гладкое, широкое море и четко очерченный горизонт. Совершенный мир и спокойствие, но на крыльях мостика стоят неподвижные люди и не отрываясь следят за скользящей навстречу водой. И в любой случайной ряби, в любой чайке, севшей на волну, чудится перископ неприятельской подлодки.

Смотрят специальные наблюдатели, смотрят сигнальщики и смотрит сам вахтенный начальник. Смотрят, пока в сверкающем поле бинокля не начнут плавать мелкие черные точки и качающиеся радужные круги. Тогда на мгновение опускают бинокли, щурятся или протирают глаза и снова смотрят.

У самого мостика гулко шумит первая труба. Временами из нее выбрасываются огромные клубы черного дыма, а это никуда не годится. Дым могут заметить те, кому вовсе не следовало бы его видеть.

- Вахтенный! Узнать в первой кочегарке, зачем дымят?

И вахтенный отвечает:

- Есть!

Курс проложен почти по самой кромке своего минного поля, но это не страшно. И собственное место, и место заграждения известны совершенно точно.

Хуже другое: здесь могут оказаться и чужие мины. Неприятельские лодки несколько раз пробирались в тыл и ставили заграждения даже у самого Гогланда, а по последним сведениям службы связи, их видели где-то здесь, между Оденсхольмом и Пакерортом.

Вахтенный, вернувшись из кочегарки, докладывает, что все в порядке. Первый котел больше дымить не будет.

- Есть. - И вахтенный начальник снова поднимает бинокль.

У носового орудия на брезенте выложены патроны с ныряющими снарядами и дежурит вся прислуга. Таблицы стрельбы в кармане - значит, в случае чего огонь можно открыть секунд через тридцать.

Если будет замечен перископ или след торпеды - узкая белая полоса на воде, - нужно сразу же давать боевую тревогу, самый полный ход и класть руля в зависимости от обстоятельств, но в большинстве случаев на противника.

Какая дикая глупость получится, если повернешь и дашь тревогу, а потом выяснится, что это не перископ, а всего лишь утка, взлетающая с воды! Они, подлые, имеют привычку брать длинный разгон и на разгоне разводят порядочный бурун.

Но еще хуже выйдет, если не заметишь настоящей лодки и получишь торпеду в борт.

Напряжение и страшная ответственность. Сознание, что

только ты один здесь наверху решаешь все и посоветоваться не" с кем, а ошибиться нельзя. Ошибка может стоить слишком дорого.

Словом, все ужасы и неприятности первой самостоятельной вахты в боевых условиях Бахметьев испытал сполна и, только отслужив и спустившись с мостика, увидел, что Константинов тут же на палубе, рядом с рубкой, полулежал в лонгшезе и читал французский роман.

- Наслаждаюсь природой, - пояснил он, закрывая книжку и придерживая пальцем то место, где читал.- А как служба?

- Все в порядке, Алексей Петрович. Скоро будем на траверзе Оденсхольма.

Очевидно, ой все время сидел здесь, готовый ко всяким случайностям, но на мостике показываться не хотел. Приучал своего молодого вахтенного начальника к самостоятельности. Молодчина!

- Хорошо у нас служить, - невольно вырвалось у Бахметьева.

- Неплохо, - согласился Константинов, - только вы, сударь мой, поздно заметили, что у вас задымил первый котел. И потом, вахтенного в кочегарку посылать было не обязательно. Рядом с машинным телеграфом есть соответственная переговорная труба. - Но сразу же смягчил!- А в общем - молодцом. Продолжайте в том же духе.

- Есть, - ответил Бахметьев, одновременно испытывая прилив острой неловкости и кое-какой гордости. - Признаться, я еще плохо освоился с нашим мостиком.

Но Константинов его уже не слушал и, задумавшись, смотрел на горизонт.

- Завтра будет дождь, - вдруг сказал он. И, еще подумав, спросил: - А вы раньше были знакомы с этим самым новым минером?

- С Плетневым? Конечно. Он у нас был инструктором в минном кабинете. Помогал Лене Грессеру.

Зачем он это спросил? Может быть, что-нибудь подозревал или просто хотел узнать, как теперь следовало себя с ним держать?

Но Константинов ограничился кивком головы. Снова раскрыл свою книжку и сказал:

- Будьте другом, пришлите мне с вестовым мою трубку. Я ее забыл у себя на столе.

- Есть, сейчас же. - И Бахметьев по трапу сбежал на палубу.

Шел в корму быстрым и веселым шагом и смотрел на обгонявшую его еще более быструю волну. Встретив вестового у кают-компанейского люка, передал ему поручение командира и стремительно спустился вниз. Но, войдя в свою каюту, вдруг

ощутил непреодолимое желание спать.

В сущности, желание это было вполне законным. За всю ночь он продремал всего лишь часа полтора, а взрослому человеку полагается побольше.

Снимая китель и ботинки, Бахметьев понял, что сон - это самое чудесное из всего, что случается в жизни. На редкость приятное занятие, которое предстояло ему именно сейчас.

Лег, закрыл глаза и старался ни о чем не думать. За него думали другие на мостике. Ощущал приятную равномерную тряску и покачивание, прислушивался к успокаивающему шуму корабля на ходу, Был совершенно счастлив, но постепенно заметил, что не засыпает и, вероятно, не заснет.

Скорее всего, из-за дикой духоты в каюте. Рядом был буфет, и на переборке с той стороны висел паровой самовар. Тонкий свист пара доказывал, что вестовые запустили его" к ужину, и теперь он на полный ход помогал июньскому солнцу.

Прохвосты кораблестроители не могли привесить его хотя бы на переборке, выходящей в коридор! Небось никому из них не пришлось лежать вот на этой койке и обливаться потом.

Первое, что Бахметьев увидел, раскрыв глаза, был портрет Нади. Маленький портретик в круглой рамке красного дерева, который она потихоньку подсунула ему в чемодан, когда он уезжал.

Она была очень хорошей девочкой, но на этом портрете улыбалась довольно глупо. И вообще, что могло получиться из их брака? Пока что получилась одна сплошная нелепость, и он даже не мог сказать, поспеет ли вернуться к тому времени, когда должен быть ребенок. Кажется, он был прав тогда, давно, несколько месяцев тому назад, когда считал, что брак несовместим с морской службой.

Может быть, так же думал и Константинов, на всю жизнь оставшийся холостяком, и механик Нестеров, который тоже не женился.

Из всей кают-компании, кроме него, женат был только один Гакенфельт. Впрочем, этот женился не зря, а на какой-то племяннице морского министра. И тоже ошибся, потому что министр вылетел вместе со всем старым режимом. А теперь, судя по рассказам Аренского, бедняга своей жены просто видеть не может.

А он все-таки очень хотел бы увидеть Надю. И вдруг Бахметьев поймал себя на том, что будто кого-то постороннего убеждает в своей любви к жене.

Чтобы успокоиться, попробовал представить себе ее - со вздернутым носиком и круглыми плечами, с тяжелыми косами

мягких волос.

Но вместо нее неожиданно увидел сквозь стенки каюты гладкое море, масляный блеск горячего воздуха над горизонтом и напряженные спины наблюдателей на мостике.

Сейчас что-то должно было случиться, Может быть, враг был уже совсем рядом. Даже, наверное, готовился нанести удар.

Какой-то чужой человек с сухим лицом и веселыми глазами посматривал в перископ и, улыбаясь, рассчитывал свою атаку. Рядом с ним стояли другие, тоже довольные, что подстерегли добычу.

Успеют заметить с мостика или не успеют? Там стоит Степа. Можно прохлопать.

И вдруг звонок забил сплошной, бесконечной дробью. Сначала глухо и издалека, потом резче и громче, совсем рядом, в кают-компании. Это была боевая тревога.

Бахметьев вскочил с койки, натянул ботинки, набросил китель и схватил фуражку. Застегивался уже на ходу и дрожащими пальцами никак не мог нащупать пуговиц. По палубе бежал в толпе людей и никак не мог избавиться от самого настоящего страха.

Однако на мостике увидел Гакенфельта с секундомером и Константинова, прогуливающегося взад и вперед, заложив руки за спину.

Тревога была проверочной.

9

Изо дня в день одно и то же.

Рейд Куйвасто с миноносцами на якорях, у берега старая шхуна без мачт в качестве пристани, а подальше зеленые рощи и кое-какие домики.

Или море, пустое и неподвижное, острова, приподнятые рефракцией над дрожащей линией горизонта, и нестерпимый блеск расплавленного стекла.

Дозоры ломаными курсами взад и вперед, в пределах одного и того же квадрата: сдашь вахту, а через девять часов снова ее принимаешь на том же самом месте. Высматриваешь и ждешь, хотя и знаешь заранее, что ровно ничего не случится.

Снова стоянки на рейде. Такие же систематические и бесцельные, в конце концов сводящиеся к простому обмену любезностями, налеты неприятельской авиации.

В синем небе два-три самолета, а вокруг них мягкие шарики шрапнельных разрывов. Нарастающий вой летящих бомб. Чувствуешь, что она непременно ляжет вот сюда, прямо к тебе на палубу, а потом видишь вполне безвредный и даже очень красивый водяной столб далеко в стороне.

В первый раз сильно волнуешься, но и в следующие налеты никак не можешь привыкнуть к бомбам, - слишком у них неприятный звук, и все-таки неизвестно, черт их знает, куда они лягут.

И вдобавок действует на нервы закон Ньютона, ибо в силу его все предметы, выстреленные вверх, неизбежно падают обратно вниз. Предметов же этих, а именно шрапнельных пуль и пустых стаканов, очень много, все они достаточно твердые и тяжелые и все отчаянно свистят.

Впрочем, к обеду налеты обычно заканчиваются. Остается только жара, вялость и неважный аппетит. А суп подают сильно перченным, потому что мясо на транспортах приходит в не слишком свежем виде.

С этими же транспортами приходят тоже несвежие газеты с нескончаемыми разглагольствованиями Александра Федоровича Керенского и всякой прочей мутью, О них, по возможности, не говорят, и только самоуверенный Аренский по утрам бестактно острит:

- Здрасте, здрасте, стоим в Куйвасте без твердой власти.

Или в тридцатый раз смакует одну и ту же пошлятину:

- Интернационал - это когда на русских кораблях под занзибарским флагом в финляндских водах на немецкие деньги играют французский гимн.

Все это в достаточной степени противно, особенно механику Нестерову, но остановить Аренского нельзя. Он всегда изощряется в отсутствие Алексея Петровича, а Гакенфельт его остроты одобряет.

Походы, стоянки и походы, но дела, в общем, гораздо меньше, чем казалось поначалу, и гораздо больше времени для размышлений, далеко не всегда приятных.

Знаменитое наступление, о котором так много кричат газеты, выглядит каким-то ненастоящим, и еще тревожнее становится от дискуссии о смертной казни. Это конец демократических иллюзий и лишнее доказательство слабости правительства. Это совсем плохое дело.

Со временем все утрясется? Еще недавно можно было на это надеяться, но сейчас едва ли. Никто ничего не понимает, все отчаянно спорят друг с другом, а приехавшие из Германии большевики хотят уничтожить все на свете.

Алексей Петрович за столом больше молчит, а в свободное время запирается в своей каюте. Даже мух бить перестал.

Но иногда вдруг входит в кают-компанию, садится, закуривает трубку и начинает рассказывать. Всем ясно, что он делает это нарочно, чтобы стало легче. Однако задумываться

нельзя. Нужно только слушать, и тогда рассказы действительно помогают.

У капитана Сергея Балка была черная борода лопатой. Был - он мужчиной невероятной физической силы и великолепным моряком! войдя в Портсмут на миноносце, на шестнадцатиузловом ходу спустил вельбот и никого не утопил.

Привычки имел своеобразные. Каждое утро выпивал чайный стакан водки и закусывал весьма экономно. Вестовой на блюдечке подавал ему две баранки: одну целую и одну сломанную пополам. Он нюхал сломанную баранку, вертел в руках целую и отдавал их обратно.

В японскую войну командовал спасательным буксиром в Порт-Артуре и во время сдачи заявил, что свой корабль взорвет, По условиям капитуляции этого делать никак не полагалось, и небезызвестный прохвост Стессель прислал к нему своего адъютанта, чтобы запретить.

Приплыл адъютантик на лодочке, смотрит - стоит пароход на якоре, а людей на нем нет. Вылез на палубу - палуба пуста. Усмотрел свет в одном из иллюминаторов рубки и пошел на огонек. Раскрыл дверь и видит: какой-то здоровый чернобородый дядя сидит за столом в полном одиночестве и прохлаждается чайком.

- Вы здесь командир?

- Я командир.

Адъютант начал было рассказывать, зачем он прислан, но Балк замахал руками: никаких служебных разговоров, пока господин поручик не напьется с ним чаю. Спешить все равно некуда.

Протесты не помогли. Пришлось адъютанту сесть за стол и сказать: "Спасибо".

Пили долго и даже вспотели, потому что в рубке было здорово жарко. Наконец Балк перевернул свой стакан донышком кверху, положил на него ложечку, очень ласково улыбнулся и попросил адъютанта изложить свое дело во всех подробностях.

Тот изложил, а Балк все с той же улыбкой ответил:

- Зря вы, голуба моя, беспокоились. - Встал, потрепал его по плечу и предложил: - Давайте тикать. У меня в трюме шесть пудов пироксилина, шнур рассчитан на двадцать минут, а поджег я его минут восемнадцать тому назад.

Ну, еле успели выбраться. Порвало пароход на мелкие кусочки.

Команду Сергей Балк любил и жил с ней ладно, а начальство, особенно сухопутное, не слишком уважал. Однажды - кажется, в Николаевске-на-Амуре стоял он со своим миноносцем на якоре и

влетел в исключительно красивую историю.

Один из его матросов нашумел на берегу, был изловлен и посажен на гауптвахту. Балк, как только об этом узнал, срочно дал семафор коменданту крепости: прошу, дескать, вернуть мне моего матроса, дабы я мог наказать его по всей строгости морских законов. Не вышло. Комендант, конечно, ответил отказом.

Тогда Балк вызвал желающих из команды на четверку, роздал им оружие и во главе десанта из четырех человек высадился на берег.

Подошел к гауптвахте, крикнул часовому: "Здорово, молодец!", сразу же вырвал у него из рук винтовку и поставил свой караул.

Потом поднялся к дежурному офицеру. С ним тоже любезно поздоровался, но так сжал ему руку, что тот сразу потерял способность соображать. Очнулся запертым в шкафу и только тогда понял, что у него отобрали ключи.

Балк, без особых затруднений освободил своего матроса, спокойно вернулся с ним на миноносец и решил сниматься с якоря, потому что в Николаевске делать ему было больше нечего.

По семафору получил приказание лично явиться к коменданту крепости, однако, как и следовало ожидать, предпочел подняться на мостик и скомандовать:

- Пошел шпиль!

Тут-то и началась самая замечательная петрушка. На ближайшей береговой батарее люди забегали во все стороны и стали с пушек стаскивать чехлы, а семафор передал второе, более решительное приказание! "Немедленно прекратить съемку с якоря. Орудия крепости направлены на миноносец".

- Ха! - сказал Балк. - Боевая тревога, прицел пятнадцать кабельтовых, целик семьдесят пять, точка наводки вон по тому белому домику, - И ответил крепости семафором: "Орудия миноносца направлены на дачу коменданта. Крепко целую".

Так и ушел миноносец, потому что у коменданта на даче были дети, жена, самовар, канарейка и весь прочий дорогой комендантскому сердцу домашний уют.

Сухопутное начальство, естественно, подняло страшный шум, но штаб Сибирской флотилии за Балка решительно заступился. Вероятно, потому, что обрадовался хоть какому-нибудь развлечению.

Пошла всякая переписка и путаница из-за того, что никак нельзя было понять, кто кому подчинен. Кончилось тем, что морское министерство в пику военному заупрямилось, и дело попало на доклад к самому царю.

Царь же, как известно, был мужчиной средних лет и весьма средних умственных способностей. Он вдруг вспомнил какую-то знакомую вполне убедительную фразу и ни с того ни с сего положил резолюцию: "Победителей не судят".

Алексей Петрович выколачивал золу из трубки, набивал ее свежим табаком и продолжал свое повествование.

Легендарный капитан Балк под общий хохот всей команды купал в невской воде крючкотвора-инженера с Адмиралтейской судостроительной верфи.

Потом на улицах Шанхая ликвидировал драку между английскими и русскими матросами. Хватал дерущихся за шиворот, приказывал: "Целуйтесь!", сталкивал лбами и, бросив на землю, брался за следующую пару.

Он всегда был полон решимости и мрачного юмора, и жизнь его была простой. А когда начальство за многие грехи перевело его с миноносца на транспорт, он выпил последний стакан водки, понюхал свою традиционную баранку и пустил себе пулю в лоб.

И казалось, что он сидит вот тут же, рядом, в кают-компании, огромный, чернобородый, с руками, скрещенными на животе, и широкой благодушной улыбкой.

И было спокойно.

10

- Его истребить надо, - глухим голосом сказал Борщев. - За борт списать! К рыбам!

В носовом кубрике было темно и душно. Освещенные синим светом ночников, в подвесных койках, на рундуках и прямо на палубе лежали полуголые скрюченные тела, больше похожие на трупы, разбросанные взрывом, чем на живых людей.

- За борт! - повторил Борщев. - Суку такую!

От сильного удара встречной волны весь кубрик вздрогнул, и выгнутые тени коек качнулись вправо. Рядом с тусклым медным лагуном три темных человека тоже покачнулись, но удержались на ногах.

- Еще издевается! - и Борщев яростно сплюнул в обрез. - Говорил: может, вам отдохнуть хочется? Отдохнете, говорит, когда мы на рейд вернемся. Пять суток без берега припаял, стервец!

- Стервец, - поддержал чей-то голос из темноты, - это верно. Дышать людям не дает.

Из койки высунулась синяя в свете ночника голова с черными впадинами глаз.

- Больно много воли себе берет. Всю команду тиранит.

И снизу, с палубы, поднялось еще одно мертвенное лицо с крупными каплями пота на лбу.

- Неплохо бы списать.

- Ты слышишь?! - чуть не закричал Борщев.

- Слышу, - ответил спокойный голос Плетнева.

Снова ударила волна, и тени поплыли влево. В дальнем углу кто-то простонал во сне. Глухо лязгнула где-то железная дверь.

- За борт! - вскрикнул Борщев.

- Ты потише, - остановил его Лопатин. Но Борщев успокоиться не мог:

- Что же, по-твоему? Целоваться с немцем этим? Лопатин усмехнулся:

- Мы слишком хорошо с его высокоблагородием знакомы. Целоваться, пожалуй, не будем. - Подумал и добавил: - А неплохо бы потребовать, чтобы его от нас убрали. Верно, Семен?

Плетнев ответил не сразу.

Конечно, явного контрреволюционера Гакенфельта убрать следовало. Но, с другой стороны, пока что вредить он не мог, и можно было временно сохранить его на корабле, чтобы еще сильнее раскалить атмосферу.

Нет, команда уже достаточно озлобилась. Пора бы ей теперь почувствовать свою силу, а то до сих пор она слишком была пассивной.

А если не выйдет? Если командир встанет на его защиту и будет поддержан неладным ревельским комитетом? Если, несмотря на все, Гакенфельт останется?

Что ж, и это в конечном итоге может принести пользу: сплотит команду и малость подорвет авторитет командира. А главное, наверняка разоблачит Мищенку, который в этом деле пойдет за господ офицеров и всем покажет, кто он такой.

- Верно, - сказал Плетнев. - Как придем на рейд, так и созовем общее собрание.

- Собрание! - возмутился Борщев. - Опять разговоры разводить? Никаких собраний, балластину ему на шею - и пусть плавает!

- Замолчи, - снова срезал его Лопатин. - Пустобрех!

- Ты! Ты! - но больше Борщев сказать не успел. Прямо над его головой во всю силу забил большой звонок.

- Боевая тревога! - крикнул Плетнев, и другие подхватили:

- Боевая тревога! Боевая тревога!

Люди соскакивали с палубы и падали с коек, в темноте и путанице хватаясь друг за друга. Набок полетел раскладной стол, и, гремя, отскочила крышка люка в носовой артиллерийский погреб.

Коротким громом ударила наверху стомиллиметровая пушка, и сразу весь кубрик повалился вправо. У выхода была давка, и все

время, не переставая, захлебывался звонок боевой тревоги.

Плетнев уже был на верхней палубе.

Миноносец, накренившись на правый борт, полным ходом описывал циркуляцию. Качаясь, плыла выглаженная волна с рваной каймой пены, и дальше в смутной мгле качалось какое-то серое пятно, и за ним опадал высокий водяной столб.

Второй выстрел туда же, влево, и с мостика искаженный мегафоном голос Гакенфельта:

- Два меньше, беглый огонь!

Пятно быстро катилось к носу и почему-то уменьшалось. Позади него пророс новый всплеск, но смотреть было некогда:, нужно было бежать к своим бомбам.

Снова грянула носовая пушка.

Бежавший навстречу Бахметьев взмахнул руками, упал, но вскочил и бросился дальше. У второго аппарата минеры уже были на местах, а подальше, на машинном люке, с биноклем в руках стоял механик Нестеров. И снизу из машины шел тонкий пар.

Плетнев не останавливался. У него было странное чувство, будто он все это видел во сне или в кинематографе и чего-то не мог понять.

Кормовые пушки разворачивались, одна на правый борт, другая на 'левый, и писарь, стоявший у телефона кормового поста, тонким голосом кричал:

- На бомбах приготовиться!

У бомб возился ученик Кучин. Хватался за что попало и недоуменно бормотал. Плетнев оттолкнул его в сторону:

- Пусти.

К счастью, Кучин походное крепление отдал, а напутать ничего не успел. Теперь одно движение рычага - и бомба полетит за борт; только сперва нужно сорвать с нее предохранительную чеку.

- Готовы бомбы! - крикнул Плетнев.

- Есть, - ответил писарь и в телефон повторил: - Готовы бомбы!

- Батюшки! - вдруг сказал Кучин. - Что же это такое?

Миноносец уже выровнялся и шел прямо. Вероятно, прямо на серое пятно, которое было неприятельской лодкой. Носовая пушка больше не стреляла - значит, лодка погрузилась. Что же дальше?

Дальше по звонку бомба полетит прямо в клокочущий пенный бурун за кормой. Что, если от толчка гидростатический диск вогнется и бомба тут же рванет? Не должна, а все-таки черт ее знает, и заряд у нее здоровый.

И, с трудом оторвавшись от кипения крутящейся пены,

Плетнев вдруг увидел бледное ночное небо и на нем низкие рваные облака.

Короткий звонок. Нажим на холодную сталь рычага, еле заметный в буруне всплеск.

Ноль раз, ноль два, ноль три ,. и на восьмой секунде резкий толчок, от которого вся корма подскочила кверху. Такой толчок, точно миноносец с размаху ударился о камень.

- Батюшки! - повторил Кучин.

- Чеку снимай! - ответил Плетнев. - Не туда лезешь. Вот она. - И Кучин дрожащими пальцами сорвал чеку.

Снова звонок, опять нажим на рычаг, и через положенный промежуток времени новый взрыв. Дальше как по расписанию - просто и даже скучновато - шесть бомб одна за другой с равными промежутками.

Миноносец опять накренился. Сделали новый поворот, легли на обратный курс и сбросили еще четыре бомбы. Теперь взрывы стали совсем привычными. Даже приятно было ощущать свою разрушительную силу, чувствовать, как от твоих ударов вздрагивает все море.

Прошли еще третий раз широкой дугой, но никаких следов лодки не обнаружили. Если бы удалось ее задеть, на поверхности плавали бы пятна масла и нефти, но никаких пятен тоже не оказалось.

Значит, не удалось. Противник успел уйти и едва ли собирался вернуться. Потому был дан отбой тревоги.

Только тогда заговорили. Из-за плохой видимости лодку заметили слишком поздно, - эх, обида! Она шла в надводном положении, но сразу же стала погружаться, - испугалась, сволочь!

Говорили со злобой. С досадой, что не смогли лодку накрыть и уничтожить, порвать в клочья и уложить на дно. С предельной ненавистью, конечно рожденной страхом.

Плетнев поймал себя на том, что вполне разделяет все эти чувства, но сразу же пожал плечами. Там, глубоко под водой, на лодке такие же рабочие и крестьяне, как эти, вероятно тоже ругались, что не успели выпустить торпеды и разнести миноносец. Все это было невыносимо глупо.

Кстати, это было его первое боевое крещение. Почему крещение? Идиотское слово. Плетнев шагнул вперед, но сразу присел от неожиданной и нестерпимой боли в коленке. Должно быть, он ее зашиб, но когда именно - вспомнить не мог.

Только этого не хватало!

11

В кают-компании разговор был бесстрастным, потому что показывать свое волнение не полагалось.

Лодка открылась с левого борта в двадцати кабельтовых, а может, чуть поближе. Шла в надводном положении, примерно параллельным курсом.

- Вот. - И две спички, брошенные на скатерть, изобразили противников.

Конечно, она первой обнаружила миноносец, а потому успела отвернуть и погрузиться - левая спичка быстро повернулась, а правая бросилась за ней, но слишком поздно.

Ныряющие снаряды, в общем, чепуха. Бомбы? Слов нет, великолепны, только класть их следует у самого борта лодки, а это непросто. В море, к сожалению, места хватает.

Но в холодном голосе Гакенфельта, в самоуверенных высказываниях Аренского и в горящем лице Бахметьева было все то же чувство, о котором говорить не следовало.

Вот так же в дозоре один за другим были взорваны одной немецкой лодкой три больших английских крейсера. И в другой раз русский броненосный крейсер "Паллада" окутался столбом дыма в полторы версты вышиной и через пять секунд исчез с поверхности моря со всей своей командой.

Внезапный удар - и катастрофа. Так было уже с сотнями других кораблей, и так могло быть с "Джигитом" всего полчаса тому назад.

На лампе над столом - большой абажур оранжевого шелка, в полутьме мягкая кожаная мебель, а дальше в углу стеклянный ящик с подарком завода - серебряной вазой для фруктов. Просто нельзя себе представить, что в одно мгновенье все это может перемешаться с огнем и водой и сразу исчезнуть.

Алексей Петрович Константинов вошел в кают-компанию и улыбнулся. Он отлично понимал, что в ней происходило.

- Между прочим, - сказал он, - в Порт-Артуре после гибели "Петропавловска" испугались неприятельских подлодок, которых, кстати, в природе не существовало, и решили с ними бороться.

Собрали всякие паровые и гребные шлюпки и выгнали их в дозор. Сочинили для них специальную инструкцию. Увидев перископ, они должны были хвататься за него и буксировать неприятельскую лодку в гавань. Буде же это почему-либо окажется затруднительным - рубить перископ нещадно, для чего в шлюпках иметь топоры. Весело?

- Весело, - согласился Нестеров. - Расея-матушка. Всегда было глупое начальство.

Инструкция эта, конечно, была бредовой, но в конце концов так ли далеко ушли средства противолодочной обороны от порт-артурских топоров? Ведь и лодки теперь совсем не те, что были.

- Надо что-нибудь придумать, - сказал Бахметьев, - С

бомбами. Какую-нибудь тактику атаки. Алексей Петрович кивнул головой:

- Правильно. Заходите ко мне, молодой, когда на рейд вернемся. Поговорим. - Но теперь нужно было говорить о чем-нибудь совершенно ином, а потому Константинов снова улыбнулся: - Этой самой удивительной противолодочной флотилией командовал Пустошкин Лука. Тот самый, который нагишом бегал по Сингапуру. Находчивый был мужчина и всегда выделывал самые неожиданные номера. Например, в том же Порт-Артуре на сухопутном фронте атаковал японцев минами заграждения.

Это уже был рассказ, и вдобавок фантастический. В самом деле: как можно атаковать минами заграждения, да еще на суше? Такой рассказ стоило послушать, тем более что уснуть сейчас все равно не удалось бы.

Табачный дым длинными струями тянулся мимо оранжевого абажура к светлому люку над головами. Глухо громыхал наверху штуртрос, и в кают-компании было спокойно.

Мичман Пустошкин Лука, затратив немало усилий, влез со своими минами на гору Высокую. Прямо под ним лежали японские окопы, а мины, как известно, имеют шарообразную форму, и ничто им не может помешать под влиянием земного притяжения катиться под гору.

Ну, установил их Лука в каких-то кустах прямо над склоном, предварительно сняв с них колпаки и приладив к запальным стаканам куски бикфордова шнура.

Подсчитал примерно, сколько времени им катиться до японцев, соответственно обрезал шнуры до сорока пяти секунд горения, недолго думая запалил первую мину и, навалившись со всей командой, спихнул ее под откос.

Она запрыгала этаким мячиком порядочных размеров и пошла быстрее, чем полагалось. Рванула далеко позади позиций.

Следующую мину поэтому следовало пустить с некоторой задержкой. Так Лука и поступил. Поджег шнур и дал мине постоять на месте двадцать секунд. Потом скомандовал:

- Нажми!

Нажали, а мина ни с места, Еще раз - покачивается, но не идет.

Лука считает секунды: двадцать пять, двадцать шесть... мина попала в ямку - никакими силами ее не сдвинешь, Команда совсем запарилась и немножко беспокоится.,, Тридцать два, тридцать три.,.

- А ну, еще раз!

Еще раз навалились грудью, подняли мину, подтащили ее к

самому краю, но запутались в кустах... Тридцать семь, тридцать восемь,,, а всего ждать до сорока пяти.

Один из матросиков вдруг бросился бежать, а остальные сели. Тогда Лука швырнул свой секундомер, схватил лом и подсунул его под мину.

Рычаг второго рода. Мину все-таки выпихнули, но она, подлая, разорвалась чуть ли не перед самым носом и кое-кого изрядно попортила.

Больше Луке заниматься экспериментами не позволили, и он с горя пошел на ту самую противолодочную авантюру, где преимущественно ловил рыбу.

В иллюминаторе уже светало, и часа через полтора миноносец должен был вернуться на рейд. Ложиться все равно не стоило.

Нестеров вскипятил чаю и собственноручно подал его на стол. Гакенфельт ушел на мостик, а Константинов продолжал рассказывать.

Теперь Лука Пустошкин, огорченный неудачным исходом японской войны и страдая от избытка свободного времени, пил несколько больше, чем ему полагалось.

На одной из боковых улиц Владивостока в те дни существовала некая совершенно знаменитая харчевня. Помещалась она во дворе, который назывался садом, хотя в нем было всего лишь одно-единственное дерево.

Впрочем, дерева этого хватало на всех. Ствол у него был сажени две в обхвате, и ветви перекрывал:, соседние дома. Не просто дерево, а форменная сикомора или баобаб.

На этот самый баобаб Лука и залез в один прекрасный вечер. Под сильным влиянием винных паров вообразил себя макакой, кувыркался в ветвях, издавал дикие вопли и вообще развлекал публику.

Но вдруг обиделся. Услышал, что за столиками смеются, и решил на смех этот реагировать в точности так же, как реагируют обезьяны. Одним словом, показал местному населению города Владивостока свою голую задницу на фоне густой зелени.

Этого было вполне достаточно, чтобы смутить присутствовавшего адъютанта коменданта крепости. Будучи юношей осторожным, он сам не принял никаких мер, но сразу же позвонил по телефону своему начальству.

Начальство тоже было толковое. Точно учитывая психологию мичмана, вообразившего себя макакой, оно приказало адъютанту разыскать старшего из присутствующих морских офицеров и поручить ему оного мичмана убрать.

Вот тут-то адъютант и совершил ошибку. Выбрал какого-то

дяденьку с двумя просветами на погонах, но не обратил внимания на то, что погоны эти были не строевые, а механические. Механиков же в те времена юные мичманы по свойственной им дурости не уважали.

Дяденька в полном одиночестве сидел за маленьким столиком и скромно ужинал. Вид у него, как и полагается инженер-механикам, был серьезный. Совсем как у нашего Павла Нестерова.

Адъютант передал ему приказание начальства, и он спорить не стал, - он был человеком военным. Вытер губы салфеткой, встал из-за стола, подошел к дереву и внушительно произнес:

- Молодой человек, извольте спуститься вниз! Лука, естественно, не послушался. Продолжал скалить зубы и выделывать неприличное.

- Ах так! - сказал почтенный инженер-механик и, круто повернувшись на каблуках, ушел на кухню, откуда через минуту вернулся с небольшой пилой.

Снял тужурку, аккуратно повесил ее на спинку стула и начал пилить дерево, которое шесть рабочих могли бы спилить примерно в недельный срок.

Адъютант еще раз ошибся: солидный механик оказался не менее пьяным, чем юный мичман. И одному аллаху известно, сколько времени он пилил бы этот баобаб, если бы в дело не вмешался наш лейтенантский стол.

Мы просто показали Луке банан и рюмку коньяку. Сказали ему: "Пет! Жако! Жако!" - и он сбежал вниз как миленький, а мы его изловили. Усадили на извозца и отвезли домой.

Мораль: с обезьянами нужно уметь разговаривать по-обезьянски.

Это была веселая мораль, но была и другая. Довольно печальная, но, кажется, правильная: бывают времена, когда человеку приходится напиваться до вполне обезьяньего состояния.

Неплохо бы вот так напиться теперь.

Но это была лишь минутная- слабость. Бахметьев встал, тряхнул головой и пошел умываться.

12

Алексей Петрович Константинов командовал "Джигитом" с самых первых дней войны, и большая часть его команды плавала с ним уже четвертую кампанию.

Служить с ним было просто и жить хорошо. Артельщикам у него воровать не полагалось, а потому стол на корабле был сытный. Всякую ябеду он весьма не одобрял и еще в пятнадцатом году некоего сверхсрочнослужащего за нездоровую любовь к

докладным запискам на политические темы потихоньку списал с корабля.

Все дела и проступки он судил своим собственным, не лишенным юмора судом. Матросам, увольнявшимся на берег с грязными руками, приказывал мыться тут же перед строем. Одного из своей команды, сказавшегося больным специально, чтобы увильнуть от угольной погрузки, посадил на строжайшую диету, а другого, опоздавшего из отпуска, наградил тремя рублями и на трое суток выгнал с корабля.

Но никогда и ни при каких обстоятельствах он не доводил дело до суда и никому не давал дурных аттестаций.

За все это, вместе взятое, а также за то, что дело свое он знал хорошо, команда его уважала.

Поэтому, когда он встал, все выкрики сразу прекратились, наступила полная тишина, и председатель собрания Мищенко огромным носовым платком вытер вспотевший лоб.

- Вот, - сказал Алексей Петрович, - я вас выслушал, а теперь вы меня послушайте.

Со всех сторон на него смотрели темные, напряженные лица команды, и в палубе было душно. А снаружи шумел сильный дождь. За последнюю ночь погода переменилась, и, видимо, всерьез.

- Лейтенанта Гакенфельта я попрошу выйти.

И когда бледный Гакенфельт, согнувшись больше чем это требовалось, вышел в дверь, Константинов снова повернулся к команде.

Такие лица он видел впервые в жизни. Однако в жизни своей он видел немало всякого разного и теперь пасовать не собирался.

Нужно было только найти верный язык, - и ни с того ни с сего вспомнилось, что он владеет пятью иностранными языками, не считая обезьянского. При мысли о Луке Пустошкине он чуть было не улыбнулся, но шутки здесь были бы некстати, а язык требовался отнюдь не иностранный, и самый человеческий.

- Сегодня ночью мы встретились с неприятельской подводной лодкой. На вахте стоял лейтенант Гакенфельт. Благодаря его решительности и умению лодка не имела времени нас атаковать. Мы благополучно вернулись сюда на рейд и здесь рассуждаем о том, что лейтенант Гакенфельт - негодяй, гнусная личность и так далее и что его следует немедленно выкинуть с корабля. Прямо за борт, как предлагал кое-кто из присутствующих.

Если я когда-нибудь соберусь жениться, я постараюсь выбрать себе невесту, приятную во всех отношениях. Старший офицер, однако, не жена, и в нем меня интересуют не столько его личные, сколько его служебные качества.

Я вполне допускаю, что лейтенант Гакенфельт многим может казаться человеком неприятным, но мне до этого дела нет. Он отличный офицер, что доказал хотя бы сегодня ночью. Мы с вами плаваем вместе уже не первую неделю, и, надо думать, вы меня знаете. Похоже, чтобы я оказался изменником и контрреволюционером?

Пауза и громкий, почти театральный шепот Мищенки:

- Как же можно!

Кто его, чудака, просил некстати соваться со своими репликами?, И без того он себя сегодня несколько раз скомпрометировал.

- Ну так вот, я считаю вредным для обороны нашей родины снимать с фронта опытного боевого офицера только потому, что он кому-то не нравится. Но еще более вредным я считаю тот разговор, который мы с вами ведем.

Сегодня мы судим Гакенфельта, завтра будем судить еще кого-нибудь. Как смогут после этого офицеры отдавать приказания и делать свое дело? Сегодня это происходит у нас на "Джигите", завтра произойдет на всем прочем нашем флоте. Как сможет этот флот сражаться с немецким - сами знаете, неплохо налаженным?

И во что в конце концов превратятся все наши гражданские свободы и прочие завоевания революции, когда немцы нас разобьют и установят у нас свой порядок? Вношу предложение этот разговор отставить,

Снова тишина - и глухой голос Плетнева!

- Разрешите задать вопрос?

Бахметьев вздрогнул. Это было то, чего он ждал с самого начала. Ждал и боялся.

- Прошу, - спокойно сказал Константинов, но по глазам его было видно, что он тоже насторожился.

Плетнев встал и повернулся вполоборота. Так, чтобы видеть лица команды. Заговорил не сразу, медленно и негромко:

- Я не про вас хочу спросить, а про Гакенфельта, Похож ли он на контрреволюционера - вот что нам хотелось бы знать. И можете ли вы, командир корабля, поручиться, что он ни в каком случае не изменит? - Плетнев вдруг усмехнулся. - Наконец: очень ли вы его любите, что так берете под свою защиту?

- Вот ведь.., - вполголоса начал Овцын и, растерявшись, не кончил.

Бахметьев, совершенно бледный, не спускал глаз с Алексея Петровича. Как он теперь ответит, как выйдет из положения?

Константинов стоял неподвижно. У него чуть потемнел шрам на лбу, но голос остался тем же твердым и ровным:

- Я люблю не лейтенанта Гакенфельта, а свою родину и свое дело. Я могу поручиться, что на моем корабле, пока я остаюсь его командиром, никакой измены и контрреволюции не будет. Но командиром его я смогу оставаться только до тех пор, пока мои помощники, офицеры, будут на этом корабле пользоваться должным доверием и уважением. Понятно?

Плетнев крепко сжал кулаки. На успех, по-видимому, рассчитывать не приходилось. По лицам команды было видно, что она колеблется.

Все равно, нужно было бороться за то, чтобы из неудачи тоже извлечь пользу. А для этого - идти напролом до конца.

- Значит, если мы уберем Гакенфельта, вы тоже уйдете с корабля? Так, что ли?

- Значит, - коротко ответил Константинов.

Теперь открывалась последняя возможность для атаки, и Плетнев за нее ухватился.

- Так, - сказал он, - по-вашему, для обороны вредно, чтобы опытные офицеры уходили с фронта, а сами вы, между прочим, готовы бросить свой корабль. Выходит, что защита Гакенфельта для вас дороже защиты завоеваний революции. Это, конечно, так и быть должно, потому что оба вы офицеры, дворяне, господа. - И, повернувшись лицом к команде, Плетнев неожиданно громко закончил: Запомним, товарищи!

Гул и выкрики, но разноречивые и без всякого толку. Команда раскололась на две части.

Что же, корабль слишком долго был оторван от берега и слишком отстал от революции. На этот раз командир, конечно, возьмет верх, но кое-что от этого собрания в матросских головах останется. А дальше видно будет.

Плетнев сел и положил руки на колени. Вместо него вскочил на ноги рулевой Борщев. Гулко ударил себя кулаком в грудь и закричал:

- Долой! Всех вместе, если не хотят с нами быть! Предателей революции! Буржуйских псов!

Но это было явно ни к чему, и Константинов даже рассмеялся. Попытка убрать Гакенфельта окончательно провалилась. Команда крепко верила своему командиру.

После собрания Плетнев подошел к лагуну. Почему-то ему нестерпимо хотелось пить, а вода в лагуне кончилась. Поглаживая свои богатырские усы, мимо него прошел Мищенко. На ходу сказал:

- Интересное было собрание, - и, кивнув головой, ушел.

Борщев в маленьком кругу слушателей все еще ругался. Это было глупо. После драки кулаками махать. Вдобавок его явно

поддразнивали, а он не замечал.

Стоя в стороне, ученик Кучин с опаской посматривал кругом и что-то бормотал себе под нос. Радист Левчук сидел на рундуке и читал какую-то книжку с таким видом, точно все происходившее его не касалось.

Плетнев пожал плечами. Один - крестьянский парень, темнота, другой грамотный и толковый, только слишком ладится под интеллигенцию. Трудно с такими работать, а без них ничего не сделаешь.

- Ну? - спросил подошедший Лопатин. - Что дальше?

- Дальше? - И Плетнев, пересилив себя, улыбнулся. - Дальше, друг Ваня, то же самое: бороться будем. - Но вдруг ощутил во всем теле страшную усталость и, взяв Лопатина под руку, хриплым голосом закончил: - Пить охота.

Ему было очень плохо, и он не знал, что еще хуже чувствовал себя его противник, Алексей Петрович Константинов.

Алексей Петрович сидел в своей каюте, окутанный густыми слоями табачного дыма, и против него сидел мертвенно бледный Гакенфельт. Он только что предложил Гакенфельту сразу же по возвращении в Гельсингфорс переводиться на другой корабль.

13

От Нади давно не было вестей, и, когда Бахметьев об этом вспоминал, ему становилось не по себе. Хуже всего было то, что он чувствовал себя перед ней виноватым, а в чем именно - понять не мог.

Подолгу смотрел на ее карточку и пытался представить себе ее голос, но из этого ничего не выходило. Перечитывал ее письма - длинные, трогательные, написанные крупными детскими буквами и украшенные крестиками по счету поцелуев, но и в них голоса ее не слышал.

Что же в конце концов свело их вместе? Были ли у них какие-нибудь общие интересы? На что должна была быть похожей их дальнейшая совместная жизнь?

И тут же со всей яростью нападал на себя за подобные мысли. Твердил себе, что Надя в десять раз честнее и лучше его, что он просто ее недостоин, что более надежного друга, чем она, быть не может, - и чувствовал себя гадко.

Вспоминал, как ей трудно и что она совсем одна. Не видел никакой возможности ей помочь и, чтобы заглушить тоску, курил до одури. Но от этого легче не становилось.

Как назло, миноносец несколько суток подряд стоял на якоре, делать было решительно нечего, и даже аэропланные налеты прекратились. Все сидели по своим каютам, а наверху шел дождь.

Из-за переборки слышно было равномерное жужжание и

доносился легкий запах гари. Механик Нестеров занимался своим любимым выжиганием по дереву.

Он трудился уже два года с лишним и все переборки в кают-компании выжег и раскрасил сказочными рисунками Билибина. Ярко-синими небесами, золотыми маковками церквей, пряничными дворцами и райскими птицами.

Теперь ему оставалось доработать одну лишь верхнюю филенку двери в свою каюту, и для нее он, по-видимому не без умысла, готовил Всадника-Солнце, на красном коне и с пылающим мечом скачущего сквозь тьму.

Была в его жизни какая-то обида, о которой он молчал. Может быть, это была бедность и низкое происхождение - он был сыном простого мастерового, - а может, еще что-нибудь. Совсем не случайной выглядела его резкая нелюбовь к Гакенфельту, и казалось, что он хотел бы стать революционером, но по характеру своему не мог. Он был человеком слишком тихим и застенчивым. Даже говорить он стеснялся и всю яркость своих ощущений выражал только в красках.

Хорошо было молча сидеть в его каюте и смотреть, как он возится с выжигательным аппаратом. Из-под раскаленного наконечника вырывалась узкая струйка синего дыма, светлая фанера покрывалась причудливым угольным рисунком, и можно было ни о чем не думать.

Самому Нестерову, вероятно, тоже нравилось, что Бахметьев молчал с ним рядом. Время от времени он переставал накачивать воздух в аппарат, склонял голову набок и спрашивал:

- Ну как?

- Здорово, - неизменно отвечал Бахметьев, и выжигание продолжалось.

Но однажды Нестеров положил ручку с наконечником на пепельницу и, повернувшись к Бахметьеву, спросил:

- А дальше что?

Прочел на лице Бахметьева недоумение, провел рукой по воздуху и, видимо, с трудом пояснил:

- Вот кончу кают-компанию, а что тогда делать? - но было совершенно ясно, что он сказал не то, что думал.

Отвечать ему было можно только шуткой, а потому Бахметьев улыбнулся:

- Ну возьметесь за мою каюту, я разрешаю.

- Нахал, - сказал Нестеров, но тоже улыбнулся. И со свойственной ему непоследовательностью спросил: - Рыб любите?

Бахметьеву вдруг стало холодно, ни с того ни с сего ему вспомнились рыбы, о которых кричал на собрании Борщев. Рыбы, к которым отправляют о балластиной, привязанной к ногам. Но

нужно было шутить дальше, и он кивнул головой:

- Очень. Особенно копченых.

- Да нет же, - возмутился Нестеров.- Аквариум. Всяких вуалехвостов и макроподов. Я всегда мечтал завести и не мог. Когда мальчишкой был - денег не хватало, а здесь нельзя. Качает.

От неожиданности Бахметьев чуть не расхохотался, но вовремя вспомнил, что может обидеть Нестерова. Впрочем, он вовсе не был не прав, этот механик, мечтавший о тишине и аквариуме.

- Конечно, - сказал Бахметьев. - Это отличное дело.

И Нестеров взглянул на него с благодарностью в глазах.

- Вы понимаете, я просто устал. - Но раскрыть себя на этот раз ему не удалось. Раздался резкий стук в дверь, и, не дожидаясь приглашения войти, в каюту влетел Степа Овцын.

- Англичанки! - крикнул он восторженно. - Целых три штуки! Сплошная красота!

- Стоп! - остановил его Бахметьев. - Что ты блеешь, душа моя Овечкин? Объяснись, пожалуйста.

- Какие такие англичанки? - спросил Нестеров, и вид имел растерянный.

- Ну конечно ж, подлодки! Пришли из Рогикюля и стали на якоре у нас по корме. А вы уже обрадовались! Решили, что какие-нибудь девицы! - И от восторга Степа даже затрясся.

Английские подлодки действительно стояли на якорях, примерно в полумиле от "Джигита", и сквозь пелену косого дождя еле были видны.

На них странно было смотреть. Они принадлежали к совсем иному миру и жили собственной, совершенно непонятной жизнью. Жизнью вне времени и пространства революции. Жизнью, о которой лучше было не задумываться.

Во всяком случае, приход их следовало приветствовать хотя бы потому, что он дал тему для разговоров за кают-компанейским столом.

Вспомнили о походах в Англию и встречах с англичанами. Корабли у них были здоровые, но по сравнению с нашими грязноватые. Моряки отличнейшие, особенно по части управления, но, видимо, не шибко грамотные в артиллерии, иначе не провалили бы Ютландского боя.

Вспомнили, как одна из только что пришедших лодок во время последних боев в Рижском заливе всадила торпеду в германский линейный крейсер "Мольтке". Она стояла на позиции и внезапно сквозь туман, чуть ли не вплотную к себе, увидела какую-то движущуюся серую стенку, но не растерялась. А наша лодка стояла рядом и, к сожалению, прохлопала.

- Нет, - с неожиданной резкостью вмешался Нестеров.- Она его видела, на не стреляла, потому что там должна была быть "Слава". И англичане тоже не могли знать наверное, только им было все равно.

Алексей Петрович пожал плечами. Пожалуй, его друг Нестеров Павел несколько преувеличивал, однако, в сущности, был прав. Всяческие альянсы и сердечные чувства существовали только на торжественных банкетах, и то лишь после принятия внутрь сильных доз спиртных напитков.

И заодно вспомнил, как в тринадцатом году, во время приема англичан с эскадры Битти на флагманском крейсере "Рюрик", ему довелось услышать любопытный образчик влияния английского языка на русский.

После плотного ужина с немалым количеством возлияний какой-то наш мичман отчаянно гремел на фортепиано, а над ним, подозрительно прицелившись своим полуоткрытым ртом прямо ему в затылок, раскачивался некий инглишмен.

"Петька, - приказал мичману проходивший мимо старший офицер, - сведи поблюй его".

"Не извольте беспокоиться, - ответил мичман, продолжая греметь, - я его уже поблевал".

Все это, вместе взятое, по мнению Алексея Петровича, было единственным возможным проявлением искренней дружбы между двумя великими державами и лишний раз подчеркивало необходимость крепких напитков для внешней политики.

И тут же он вспомнил еще один, еще более разительный пример благотворного влияния вышеупомянутых напитков на международные отношения.

Крейсер "Олег" стоял в Афинах и давал бал в честь греческой королевской четы. Пальмы на верхней палубе, сногсшибательно сервированный стол в кают-компании, рев духового оркестра и прочая немыслимая роскошь.

Королева эллинов, как известно, была русской и на крейсере чувствовала себя превосходно. Король же Георг, за номером первым, к танцам склонности не имел и не знал, что с собой делать.

Сей просвещенный монарх по рождению был датчанином, но за отсутствием практики по-датски говорить разучился. По-гречески учиться не хотел, - он уже вышел из такого возраста, чтобы учиться. По-французски ни слова не понимал, а по-русски, конечно, еще меньше. Вообще только мычал, и от этого ему было очень скучно.

Луке Пустошкину, который к тому времени дослужился до старшего лейтенанта, приказали его величество развлечь, и он

сразу сообразил, что ему делать.

Почтительно пригласил монарха следовать за собой и увел его с верхней палубы, где танцевал весь бомонд, вниз в пустую кают-компанию. Показал ему все, что стояло на столе, и сказал: "Вуаля!"

У монарха лицо сразу стало более интеллигентным, и даже замычал он как-то веселее.

"Разрешите, вотр мажесте?" - спросил Лука, пощелкав пальцем по графинчику, подернутому привлекательной испариной.

Его величество знаками продемонстрировал, что не только разрешает, но и всемерно одобряет, и сразу же сел за стол поближе к балыку.

Примерно после десятой рюмки Лука проникся к Георгу уважением. В первый раз в жизни своей он видел настоящего монарха, который пил, как настоящая лошадь. От избытка чувства он похлопал его по колену и предложил: "Руа, бювон еще по одной?"

"Бювон", - согласился руа, сиречь король, который к этому времени уже немного овладел французским языком.

Танцы наверху продолжались довольно долго, и, когда публика начала спускаться в кают-компанию, союз между греческим королем и русским старшим лейтенантом был заключен на вечные времена.

Они сидели обнявшись и плакали. Лука сквозь слезы пел про камаринского мужика, а король горестно ему подвывал.

Конечно, обоих срочно отвели по каютам и уложили спать, и, конечно, когда пришла пора разъезжаться по домам, короля поставить на ноги не удалось.

Съехал он на берег только на следующее утро вместе с буфетчиком, отправлявшимся на базар. Был он вполне инкогнито, в гороховом пальто с поднятым воротником, и, прощаясь с Лукой, глядел на него собачьими глазами.

И что же? Королева, правда, малость сердилась, но тем не менее Греция, как вам известно, теперь воюет на нашей стороне.

Это был великолепный по своей нелепости рассказ, и, несмотря на некоторую мрачность его юмора, вся кают-компания дружно смеялась.

Вся - за исключением Гакенфельта, но Гакенфельтза последнее время вообще потерял способность улыбаться, Сидел опустив плечи и уставившись глазами на скатерть. Молчал и иногда без всякой причины вздрагивал.

14

"Отважный", на рассвете пришедший из Гельсингфорса,

привез тревожные новости.

Кронштадт решительно выступил против бессмысленной бойни на фронте, против явного предательства в тылу, против правительства наемников буржуазии.

В Питере происходили крупные события. Снова бастовали заводы, и воинские части, кажется, уже вышли на улицу, с оружием в руках требуя передачи всей власти Всероссийскому съезду Советов.

Четверка с "Отважного" доставила "Джигиту" почту. Пока вахтенный начальник по положению расписывался в получении пакетов, старшина четверки Кузьма Волошанович попросил у него разрешения посетить старого своего друга, минного унтер-офицера Плетнева.

И сразу же в команде появились перепечатанные на машинке копии провокационной телеграммы помощника морского министра командующему Балтийским флотом? "Временное правительство, по соглашению с Исполнительным комитетом С. Р. и С. Д., приказало принять меры к тому, чтобы ни один корабль, без вашего на то приказания, не мог идти на Кронштадт. Предлагаю не останавливаться даже перед потоплением такого корабля подводной лодкой, для чего полагаю необходимым подводным лодкам занять заблаговременно позицию.

Подпись - Дудоров".

Мищенко, размахивая руками, кричал, что это чепуха. Сплошное вранье темных элементов, которые играют на руку немецкому шпионажу и влекут свободную Россию к гибели. Такой телеграммы не было и быть не могло.

Но об этой же телеграмме говорилось в маленькой большевистской газете "Волна", последние номера- которой сразу в достаточном количестве появились из-за пазухи Волошановича.

Говорилось в ней о многом другом, о чем Волошанович тут же рассказал со всеми подробностями.

Об аресте Онипко, правительственного комиссара на Балтийском флоте и изменника делу революции, о беспомощных попытках меньшевиков из Гельсингфорсского Совета удержать в повиновении матросские массы, о небывалом взрыве негодования на всех кораблях и о решительных действиях Центробалта, выславшего в город вооруженные патрули.

Мищенко продолжал кричать, но теперь никто его не слушал. Сразу же на месте, без всякого участия председателя судового комитета, выбежавшего из палубы, само собой созвалось общее собрание, и на этом собрании первое слово для информации получил Волошанович.

- Товарищи! - Голос у него был глухой, и говорил он

невнятно, но в палубе стояла такая тишина, что каждое его слово доходило до самых дальних слушателей. Даже до Мищенки, прислушивавшегося из-за дверей. - Товарищи! Вот что сейчас делается. - И Волошанович повторил то, что уже раз рассказывал. Телеграмму эту самую штаб припрятал, однако в Центробалте о ней узнали. И еще перехватили одну телеграмму, только той у меня с собой нет. Господин капитан первого ранга Дудоров приказывает прислать из Рижского залива какой-то дивизион миноносцев. Чуть ли не ваш шестой, товарищи, потому что считает его надежной защитой против кронштадтцев. Господин Дудоров приказывает, чтобы шел этот дивизион полным ходом прямо в Неву, в собственное его распоряжение. Волошанович тряхнул головой и усмехнулся. - Не знаю я, что у него из этого получится, только не думаю, чтобы вы стали стрелять по своим.

И сразу палубу встряхнуло таким ревом-, какого эскадренный миноносец "Джигит" не слыхал с самой своей постройки. Таким, что Мищенко отшатнулся, точно подстреленный, и стремглав бросился в корму, в кают-компанию к командиру.

Когда постепенно снова наступила тишина, Волошанович надел фуражку. По привычке приложив руку ребром к носу, проверил, что кокарда на месте, и повернулся к Плетневу.

- Ну вот, браток, все новости. Разбирайтесь тут без меня, мне на другие корабля поспеть надо. - И неожиданно подмигнул самым хитрым образом; Казенная почта не ждет. Сам понимаешь.

- Ступай, - ответил ему Плетнев и встал.

Теперь на него смотрели совсем не теми глазами, что на прошлом собрании. Не зря все последние дни он, Лопатин и кочегар Сихво чуть ли не часами разговаривали со всеми по очереди, и кстати пришлись новости Волошановича.

- Товарищи, правительство наконец открыло свое лицо. Оно готовит торпеды для революционных моряков и пули для питерских рабочих. - Плетнев остановился и еще раз осмотрел всю палубу. В напряженной тишине было слышно каждое дыхание. Теперь можно было действовать.

15

Алексей Петрович Константинов сидел в своем кресле, и перед ним на письменном столе лежал последний номер гельсингфорсской газеты "Волна". Мищенко, молча перебирая пальцами, стоял посреди каюты.

- Болваны, - вполголоса сказал Алексей Петрович," достал трубку и начал набивать ее табаком.

- Так точно, - с готовностью сказал Мищенко, но Алексей Петрович покосился на него отнюдь не дружелюбно.

Мищенко, по-видимому, решил, что этот эпитет относился к

команде или большевикам, а в действительности сам был болваном.

Опершись обеими руками о стол, Алексей Петрович встал. Курить он раздумал и трубку положил обратно в карман.

- Пойдем.

В коридоре у подножия трапа его ожидал Бахметьев в расстегнутом кителе и с лицом, искаженным волнением.

- Алексей Петрович, - ему очень трудно было говорить, особенно в присутствии Мищенки, но он сделал над собой усилие. Теперь пришло время выбирать, с кем идти, и он не мог не выбрать Алексея Петровича. - Я должен вам сказать. Предупредить. Минер Плетнев опасный человек. Он революционер. Я знаю наверное. Алексей Петрович кивнул головой.

- Я тоже знаю. Застегнитесь. - Поглядел поверх головы Бахметьева и, подумав, приказал: - Передайте всем офицерам, чтобы шли на общее собрание, и сами идите. А Гакенфельт пусть сидит у себя в каюте. - Повернулся и не спеша стал подниматься по трапу.

На верхней палубе было совершенно пусто. Даже вахтенный куда-то исчез. Даже сигнальщика на мостике не было видно.

Ветер налетал сильными шквалами, пенил темное море и хлестал мелкой дождевой пылью. Этот дождь не прекращался уже десятый день. Странный был июль месяц.

И странно было идти в нос по скользкой пустой палубе точно вымершего корабля.

Впрочем, проходя мимо камбуза, Алексей Петрович услышал лязг кастрюль и заглушенное пение. Кок, несмотря на все события, оставался на своем месте и почему-то пел. Неужели только он один был верен своему делу?

Нет, сигнальщик все-таки оказался на мостике. Нагнувшись над поручнем левого крыла, он медленно отмахивал флажками. Принимал какой-то семафор, должно быть, с "Украины".

Наступил конец всему на свете, но думал об этом" Алексей Петрович с полным спокойствием. Он знал, что рано или поздно это все равно должно было случиться, и Мищенке, в нерешительности остановившемуся у дверей в первую палубу, сказал:

- Все в порядке, идем.

В палубе их точно не заметили. Посторонились, дали пройти вперед, но не сводили глаз со стоявшего посредине круга Семена Плетнева. И сам Плетнев, хотя тоже их увидел, продолжал говорить:

- Вот чего добивается буржуазия и продавшийся ей

Керенский, и вот чего хочет партия большевиков и весь пролетариат. - На мгновение остановился и, взглянув на Алексея Петровича, закончил: - А теперь мы узнаем, чего хочет наш командир.

- Да, - ответил Алексей Петрович. - Прежде всего хочу знать, в чем дело. Плетнев усмехнулся:

- Разве Мищенко не доложил?

Нужно было выгадать время, выждать, чтобы остыли страсти. Алексей Петрович пожал плечами:

- Не слишком понятно доложил. Расскажите вы. Очень прошу.

- Ладно.

Плетнев говорил толково. Слишком толково. И факты были совершенно убийственные. Пожалуй, он зря попросил его еще раз повторять всю эту историю.

- Теперь все ясно, - вдруг прервал Плетнева Алексей Петрович. - Я полагаю... - но в свою очередь его перебил неожиданный голос сигнальщика Часовикова:

- Товарищи! Нам приказ приготовиться к походу, К четырнадцати часам! Всему дивизиону.

Это было совершенное безумие. Чистой воды идиотизм. Неужели они не понимали, к чему это приведет? Нужно было срочно снестись с начальством дивизиона и требовать отмены похода.

Но в случае получения неверного приказания следует все же его исполнить и лишь потом докладывать начальству о его неправильности. Так учили Алексея Петровича двадцать четыре года подряд, и эта наука привела его ко второй, уже непоправимой, ошибке.

Обведя взглядом присутствовавших и разыскав среди них инженер-механика Нестерова, он поднял руку со скрюченными пальцами.

- Механик!

Но сразу по палубе прокатился глухой гул, а Нестеров, внезапно вскочив на ноги, закричал:

- Не пойду! Не могу! Откажись, Алексей Петрович!

И гул перешел в крик, и вся масса, двинувшись прямо на Алексея Петровича, остановилась лишь вплотную к нему.

- Мы пойдем! - крикнул Лопатин. - Только там покажем, за кого стоим!

- Долой Керенского! Бей офицерье! - неистовствовал Борщев, и казалось, что вот сейчас он бросится и схватит за горло.

- Предатели! Убийцы! Убийцы! - выкрикивал радист Левчук, а ведь он был одним из самых смирных матросов на корабле.

От мелькания в глазах, от шума и внезапно подступившего

удушья Алексей Петрович еле держался на ногах. Все-таки выстоял, и крики постепенно утихли, а кольцо на шаг отступило.

Но что можно было сказать теперь? Спорить? Убеждать? Пытаться объяснить? Нет, все это было совершенно бесцельно, тем более что никакого выхода из положения он предложить не мог.

И он сказал:

- Решайте сами, а когда решите, приходите ко мне. Здесь мне говорить трудно. - Махнул рукой, пошел к выходу из палубы, а за ним пошли все офицеры, кроме механика Нестерова.

И снова команда, расступившись, молча дала им пройти.

18

Начальник дивизиона сообщил, что поход предполагался вовсе не в Питер и отнюдь не для борьбы с кронштадтцами. Просто часть миноносцев должна была выйти в дозор, а часть конвоировать заградители, следовавшие к бухте Тагалахти.

Неужели революционные моряки откажутся от выполнения своего боевого долга?

Но команды больше не верили ни начальнику дивизиона, ни всем прочим начальникам. Плетнев, Лопатин и Левчук пришли в каюту Алексея Петровича и сказали:

- Мы требуем, чтобы все офицеры дали подписку, что не будут участвовать ни в каких выступлениях против революции и против наших братьев-кронштадтцев.

- Хорошо, - ответил Алексей Петрович, потому что больше отвечать ему было нечего.

- Мы требуем, чтобы вы подписали резолюцию протеста, которую мы направляем в Морское министерство и для сведения в Центробалт.

- Подпишу, - согласился Алексей Петрович. Теперь все ему было совершенно безразлично.

- Мы требуем списания с корабля явного контрреволюционера Гакенфельта и подлого прихвостня Керенского Мищенки.

- Они будут списаны, - сказал Алексей Петрович и рукой провел по глазам, Его охватила смертельная усталость.

- Тогда мы согласны идти в поход и выполнять ваши боевые распоряжения.

- Передайте механику, чтобы поднимал пары, и вахтенному начальнику, чтобы готовил миноносец к походу.

Но делегация не уходила, и Алексей Петрович спросил:

- Что-нибудь еще?

Ответил Плетнев:

- Команда просила вам сказать, что вас она уважает, но будет

следить за тем, как вы оправдываете ее доверие.

17

От страшного общего собрания и от того, что потом происходило в кают-компании, у Бахметьева лицо горело, точно от сильного ветра.

Конечно, он дал подписку. Он не мог не дать ее после того, что сказал Алексей Петрович, но все-таки это было похоже на трусость. И больше не оставалось никакой надежды - весь флот, вся страна катились в пропасть.

И он был совершенно одинок.

Нестеров сидел у себя и раскрашивал свою последнюю картину, но, после того что случилось в первой палубе, подойти к нему было невозможно.

О разговоре с Гакенфельтом и думать не приходилось. Аренский стоял на вахте, а Степа заперся в своей каюте и чуть ли не плакал.

И к Алексею Петровичу идти тоже нельзя было. Он лег спать и приказал, чтобы до съемки его не тревожили. Неужели после всех происшествий он был способен уснуть?

Что-то нужно было делать, а дела никакого не было. Бахметьев достал с полки толстый альбом Джэна - английский справочник военных флотов - и сел в углу кают-компанейского дивана.

Вот она, вся романтика современного боевого флота,- великолепные фотографии в профиль, вполоборота и с носа, схемы расположения брони и углов обстрела тяжелой артиллерии, сухие и сжатые комментарии, критика кораблей как произведений искусства.

Вот Россия. Флаги и уже не существующие погоны. Планы гаваней, а потом таблицы силуэтов. Гордость флота - новые линейные корабли, снятые в еще не достроенном виде. "Тангут", который чуть не взбунтовался еще при старом режиме, "Петропавловск", на котором недавно убивали офицеров.

Дальше! Дальше! "Цесаревич" - герой Порт-Артура, Теперь он сменил свое имя на "Гражданин", и это звучало странно. Покойница "Паллада" - с нее не спаслось ни одного человека.

Нет, неважная это была романтика, и ничего хорошего из нее не получилось.

Миноносцы. Фотография самого "Джигита". Когда и где его снимали стоящим на якоре, выкрашенным в белый цвет и чистеньким, как яхта? Кто были эти офицеры в белых кителях, садившиеся в четверку у трапа? О чем они могли думать?

Сейчас они казались более далекими, чем если бы жили на луне, - странными и непонятными существами.

Хотелось ли ему перейти в тот мир? Вместе с ними сесть в шлюпку и поехать развлекаться на берег?

Нет, ему хотелось просто перестать думать и, если было бы возможно, уснуть.

- Господин мичман!

- Да!

Перед ним стоял вахтенный со сложенной бумажкой в руке.

- Вам телеграмма. Сейчас доставили.

- Спасибо. Можете идти.

Сперва он не решился ее развернуть. Казалось, что в ней могли быть только плохие новости. Потом порвал склейку и прочел: "Поздравляю. Родился сын. Надя".

Читал еще три раза, пока наконец понял. Встал, подошел к буфету, налил себе стакан холодной воды и залпом его выпил.

18

Гакенфельт наверх не выходил, и весь поход пришлось стоять на три вахты. Впрочем, это было только к лучшему, потому что от усталости наступило отупение.

И в море, действительно, не было никакой политики, а только ветер, вода и неважная видимость.

Встретили сорвавшуюся с якоря мину заграждения и расстреляли ее из пулемета. Потом два раза видели подозрительные предметы, которые на поверку сказы* вались не перископами, но успокоиться не могли - слишком жива была в памяти последняя встреча с неприятельской подлодкой. А на утро третьего дня попали в сплошной туман и убавили ход до малого, что тоже было противно.

После обеда сидели в кают-компании, но разговор не ладился. Может быть, из-за того, что Алексей Петрович вместе с вахтенным начальником Степой Овцыным стоял на мостике.

Аренский раскрыл триктрак и предложил сыграть. Бахметьев согласился.

Это была старая превосходная игра. Кости прыгали по зеленому сукну, и шашки передвигались с красных треугольников на белые, перескакивали друг через друга и громоздились горками. За этой игрой можно было забыть все на свете. Недаром говорилось, что в нее русский флот проиграл японскую войну.

И Бахметьеву определенно везло. Он как хотел вышибал шашки Аренского и не давал им никакого хода. Он чувствовал полную уверенность в своих силах и не сомневался, что скоро вернется в Гельсингфорс, где сразу вся жизнь должна была обернуться по-новому.

- Моя каза! - сказал он торжествующе, когда кости легли двумя шестерками.

Но круглый столик вдруг отшатнулся в сторону, а сверху с полки на него посыпались книги и журналы. Вся кают-компания подпрыгнула от громового удара. Дверцы буфета распахнулись, и горка тарелок, звеня, разбилась на палубе.

Нестеров, хватаясь за стол, вскочил, но потерял равновесие и ударился головой о переборку. Все-таки сказал:

- Господа, прошу соблюдать спокойствие!

Наверху что-то огромной тяжестью рухнуло на стальную палубу, куски пробковой обшивки посыпались на голову, почти сразу же корабль перестал дрожать, и донесся заглушенный свист пара.

- Моя машина! - вскрикнул Нестеров и бросился к трапу.

Но выбраться наверх оказалось непросто. Упавшей грот-мачтой придавило входной люк, и он открывался только до половины. Нестеров застрял.

- Эй! - кричал он кому-то на верхней палубе, но никто не приходил. Дергался и цеплялся ногами за ступеньки, но вылезти никак не мог.

Бахметьев вдруг расхохотался: ему вспомнилась история с песиком, застрявшим в иллюминаторе.

Аренский схватил его за плечи и встряхнул;

- Возьмите себя в руки! - А у самого лицо было перекошено смертельным страхом.

Только тогда Бахметьев понял, что корабль тонет. Уже появился крен на правую, и с каждым мгновением он увеличивался. А толстый механик засел в люке, и теперь все они должны были утонуть.

- Тяните меня назад! - глухо сказал Нестеров.- Машины уже не спасти. Я останусь. Мне наплевать, слышите?

Бахметьев бросился к нему, схватил его за ноги и изо всей силы толкнул вверх. Нестеров вскрикнул, но с места не сдвинулся.

- Не надо! Тяните назад и спасайтесь сами.

Снова Бахметьев навалился, и снова ничего не вышло. Не так ли в рассказе Алексея Петровича сталкивали мину? Чепуха! Нужно было сосредоточить всю свою волю, всю свою силу и еще раз нажать.

И когда Бахметьев в последний раз напрягся, наверху грохнула гулкая тяжесть, и крышка люка сама отскочила вверх. Мачта с нее свалилась.

Над морем летел редкий туман, и гладкие маслянистые волны были уже почти вровень с палубой миноносца. Впереди клубами валил пар, и сквозь него смутно был виден искалеченный, свалившийся влево полубак с мостиком. Первая

труба в осколках шлюпок лежала поперек палубы, а вокруг нее стояли и лежали черные неподвижные люди.

Из облаков пара, поддерживаемый рулевым Борщевым, вышел Алексей Петрович. Его правая рука сигнальным флагом была перевязана на груди, и из нее лила кровь.

- Задумались? - спросил он. - Двигайтесь! Надевайте пояса и собирайте всякое деревянное барахло. Оно пригодится!

Люди задвигались, но нерешительно.

- Ну! - прикрикнул Алексей Петрович. - Веселей! - И подобающим образом вспомнил апостола Павла, Нестеров бросился к нему.

- Что случилось?

- Все решительно, - ответил Алексей Петрович. - Первую кочегарку вдрызг и вторую слегка. Течем по всем швам. Продержимся пять минут... Спасибо, Борщев. Здесь я присяду, а вы позаботьтесь о себе.

- Нет! - И Борщев упрямо тряхнул головой.

- Но что же это было? - спросил Бахметьев. Алексей Петрович пожал плечами:

- Не то лодка, не то просто плавающая мина, черт ее знает. Однако вы не расстраивайтесь. Вода теплая, а тут поблизости болтаются "Стерегущий" со "Страшным". . Достаньте, пожалуйста, мою трубку. Из правого кармана... Спасибо, она набита. Только дайте огня.

Он сидел на тумбе стомиллиметровой пушки, точно на кресле в кают-компании, и сосредоточенно раскуривал свою трубку. Его служба окончилась, и он мог позволить себе отдохнуть.

19

Очнулся Бахметьев в своей каюте, но почему-то накрытый чужим одеялом. Корабль трясло на большом ходу, и из кают-компании доносился смутный гул разговоров.

Но сразу снова увидел туман, волны со всех сторон, высоко поднявшуюся в воздух острую корму миноносца и черные головы на воде. Снова почувствовал, что задыхается, что ноги страшной тяжестью тянет вниз, что все тело немеет от холода. Рванулся, чуть не упал с койки и громко застонал.

В каюту вошел Андрюша Хельгесен. Почему Андрюша? Ведь он плавал на "Стерегущем"? Как он мог попасть на "Джигита"?

- Здорово, утопленник, - сказал Хельгесен, но Бахметьев снова потерял сознание.

Совершенно белый Гакенфельт стоял у поручней и улыбался. Он явно был доволен. Он был врагом.

Поясов хватило не на всех. Почему-то остальные нельзя было

достать. А на Алексея Петровича пояс надеть никак не удавалось. Мешала его раненая рука.

У него, у Васьки Бахметьева, родился сын. Это было необычайно смешно. Это следовало с треском отпраздновать по прибытии в Гельсингфорс.

Но кругом была совершенно пустая вода, и он чувствовал, что тонет. А он хотел жить. Жить!

- Тихо! - говорил ему Андрюша Хельгесен и из фляжки лил ему в рот коньяк.

Снова плыла вода, тяжелая и холодная. Он уже не мог двигаться. Он цеплялся за решетчатый люк, и рядом с ним на волнах качалась голова минера Плетнева.

- Держитесь, господин Арсен Люпен, там кто-то идет! - И сквозь туман он видел смутный силуэт миноносца.

Окончательно он пришел в себя только ночью. Корабль определенно стоял на якоре, и было совсем тихо. Книжная полка висела ниже, чем ей следовало, и переборка была светло-розовая, а не белая.

Только тогда он понял, что лежит не в своей каюте, а в чужой, и вспомнил, как на руках его поднимали на борт "Стерегущего".

И еще вспомнил: без Плетнева он погиб бы. Плетнев поделился с ним своим решетчатым люком и все время его поддерживал. Где он был теперь?

20

Утром пили чай.

Кают-компания была в точности как на "Джигите", но, конечно, без билибинских рисунков.

Кстати: Нестерова не нашли. В последнюю минуту он спустился вниз за своей незаконченной картиной, и больше никто его не видел. Впрочем, наверное, он вышел наверх, потому что картину его из воды подняли.

"Стерегущий" слышал взрыв. Он находился почти рядом, но пока разыскал место гибели "Джигита", блуждал в тумане больше получаса.

Алексея Петровича спасли. Он плавал привязанный к четырем веслам, а теперь лежал в командирской каюте, и было неизвестно, выживет он или нет. Он потерял слишком много крови.

Из всей команды в восемьдесят шесть человек подняли пятьдесят семь, из них восемь раненых, и это было большой удачей. Но все же погибло двадцать девять. Из-за чего? Кому это было нужно?

Аренский спасся. Он не мог тонуть без шику, а потому срочно

переоделся в новый костюм, но, к сожалению, в старой тужурке забыл бумажник со всеми своими деньгами.

Степа Овцын погиб в самом начале. Его на мостике убило взрывом. Бедный Степа, ему всегда не везло.

Зато Гакенфельт сидел за столом веселый и снова самоуверенный. Обрадованный последними новостями из Питера, где беспорядки были подавлены и большевиков уже начали преследовать. Откровенно смакующий гибель Борщева, Лопатина и еще кое-кого из его врагов.

- Зря, конечно, вытащили этого вашего приятеля Плетнева, однако в Гельсингфорсе я с ним разделаюсь. Будьте уверены.

Над морем постепенно прорастали два узких шпиля церкви святого Иоганна.

- Она называется "пара пива", - объяснил Бахметьеву командир "Стерегущего" старший лейтенант Шенк.- Через час будем дома.

- По-видимому, причиной гибели "Джигита" была подводная лодка. "Страшный" и "Донской казак" видели ее поблизости, открыли по ней огонь и заставили погрузиться. Не та ли, с которой встретился и "Джигит" в прошлый раз?

Но теперь это было неинтересно. На горизонте медленно поднимался из воды Гельсингфорс, а в Гельсингфорсе его ждала Надя и, главное, сын. Совершенно непонятное и самое замечательное происшествие в его жизни.

Теперь, наверное, дадут отпуск по крайней мере на месяц и можно будет с Надей отдохнуть. Как она обрадуется, эта девочка! Впрочем, не девочка, а самая настоящая мать семейства. Просто умора!

Бахметьев вдруг совершенно ясно увидел перед собой ее улыбающееся лицо и почувствовал, что больше стоять на мостике не может. Спустился вниз в каюту друга и приятеля Андрюши Хельгесена, бросился на койку, спрятал лицо в подушку и внезапно провалился в черную пустоту.

Он был очень измучен всем, что произошло за последние дни, а потому проснулся не скоро.

Потирая руки, у его койки стоял Гакенфельт,

- Будьте любезны встать!

- Есть! - И Бахметьев вскочил.

- К вашему сведению: Алексея Петровича свезли в Морской госпиталь и я вступил в командование над оставшейся командой "Джигита".

- Есть! - повторил Бахметьев. Почему-то ему стало холодно, - так холодно, что он весь сжался.

- Я уже был в штабе и все согласовал. Потрудитесь взять двух

человек из нашей команды, арестовать старшину-минера Плетнева и отвести его в штаб командующего флотом. Оружие получите у артиллериста "Стерегущего".

Бахметьев не ответил. Это было невероятно, и даже больше того - просто невозможно.

- Вы слышали?

- Я не могу, - хриплым голосом сказал Бахметьев.

- Отказываетесь выполнить приказание?

Все воспитание Морского корпуса, весь многовековой уклад офицерской среды, вся страшная сила воинской дисциплины были на стороне Гакенфельта, но все-таки Бахметьев отказался:

- Я... у меня нет сил. Я совсем болен... И потом, он же меня спас...

Гакенфельт поднял брови.

- Исполнить и по исполнении доложить. - И, высоко подняв голову, вышел из каюты.

21

Плетнев к своему аресту отнесся вполне спокойно. Даже добродушно. Усмехнулся, когда увидел, что Бахметьев не смеет смотреть ему в глаза, и сказал:

- Ладно, пойдем. - А потом в виде утешения добавил: - Вы не бойтесь. Это пустяки.

По сходне вышли на стенку и вдоль стенки шли молча. Заговорить было невозможно, а так нужно было объясниться.

Накрапывал мелкий дождь, и ветер с моря гнал низкие серые тучи. Все равно сейчас эта история должна была закончиться, а потом ему можно будет идти к Наде. И он старался думать о своем сыне.

В штабе их принял не кто иной, как флаг-офицер мичман барон Штейнгель.

- Привел большевика? Отлично... Плетнев? Кто бы мог подумать! Что ж это вы, Плетнев? Напрасно! Напрасно!

Штейнгель вызвал караул и, когда Плетнева увели, повернулся к Бахметьеву.

- Садись. Хочешь курить? - И от его голоса Бахметьеву сразу стало не по себе.

- Что случилось?

- Ты не волнуйся. Волнение делу не поможет. Хочешь коньяку? У нас тут есть малость,

Бахметьев встал.

- Слушай, ты мне говори прямо,

- Она умерла,- тихо ответил Штейнгель. - Вчера мы ее похоронили. А ребенка увезла твоя мать. Сядь, пожалуйста, и давай поговорим.

Но Бахметьев молча пошел к двери. Зацепил за столик с бумагами и чуть его не опрокинул. В коридоре наткнулся на какого-то контр-адмирала и, не извинившись, прошел мимо. Вышел на воздух и тогда только остановился.

Лил мелкий дождь, и над самой головой ползли тяжелые серые тучи. Нади больше не было. Смешной девчонки Нади, настоящей матери семейства.

И корабля не было, и весь мир был пронизан сплошным серым дождем.